

Краснодарский университет МВД России

Н. Ш. Козаев

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Учебное пособие

Краснодар
2019

УДК 343 (075)
ББК 67.408.1(075.1)
К59

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

А. П. Дмитренко, доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя);
Ю. Д. Гиш (Управление МВД России по г. Краснодару).

Козаев Н. Ш.

К59 Производственные преступления : учебное пособие /
Н. Ш. Козаев. – Краснодар : Краснодарский университет
МВД России, 2019. – 100 с.

ISBN 978-5-9266-1552-1

На основе анализа развития международного права, норм уголовного права России и зарубежных стран рассмотрены преступления в сфере производства. Дана общая характеристика преступлений в производственной сфере, обозначены направления развития уголовного законодательства в сфере минимизации отрицательных последствий применения производственных технологий.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343 (075)
ББК 67.408.1(075.1)

ISBN 978-5-9266-1552-1

© Краснодарский университет
МВД России, 2019
© Козаев Н. Ш., 2019

Введение

Производственные технологии исторически возникли раньше иных известных технологий, во многом обусловив эволюцию социально-политических отношений. От момента их возникновения до современного этапа развития они значительно эволюционировали, вызвав к жизни большое количество правовых норм, призванных урегулировать соответствующие нарождающиеся общественные отношения. Не осталось в стороне и уголовное право. Дело в том, что преступность как социальное явление эксплуатирует все достижения общества, предназначенные изначально для облегчения труда и быта, улучшения качества жизни населения, достижения высокого уровня эффективности производства при снижении затрат. Внимательное рассмотрение производственных технологий позволяет увидеть кроющиеся в них «побочные эффекты», и это заметно уже на стадии социального прогнозирования последствий внедрения нововведений¹ что тормозит, но не может прекратить научно-техническое развитие. Отсюда уголовное право способно стать той силой, которая помогает противостоять злоупотреблениям современными разработками, пресекать факты пренебрежительного отношения к вопросам безопасности².

---

¹ См.: Ефременко Д.В. Введение в оценку техники. М., 2002. С. 19.

² См.: Закомолдин Р.В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами. М., 2017. С. 3.

Право не может не реагировать на изменения в социальной жизни. Однако поскольку его нормы исходят лишь от уполномоченных субъектов, прежде всего от государства, особенно это касается уголовно-правовой сферы, то любые трансформации права – это результат оценочной деятельности публичных институтов власти. При этом отметим, что наряду с решением вопросов безопасности достигаются и иные цели, отвечающие запросам и интересам текущего дня.

С помощью правовых средств государство, с одной стороны, поощряет и стимулирует развитие научно-технического прогресса, а с другой – посредством нормативных предписаний осуществляет регулятивную и сдерживающую функцию в этой сфере.

В данном учебном пособии показаны основные подходы к установлению уголовно-правовых запретов в производственной сфере, начиная от начальных моментов широкого развития производства и заканчивая современным периодом.

Изучение исторического опыта может оказаться полезным для понимания некоторых закономерностей развития уголовной политики. Ведущим при этом является тезис о том, что уголовное право и научно-технический прогресс взаимообуславливают друг друга. Так, появление новых производственных технологий влияет на генезис права, а право, в свою очередь, устанавливает пределы правомерного поведения в различных ситуациях, обусловленных производственным процессом. Поэтому одной из задач настоящего пособия выступает ретроспективное исследование предпосылок формирования уголовно-правовых норм, связанных с защитой производственной сферы от неправомерных вмешательств, а также анализ современного состояния правовой регламентации данных вопросов.

Россия, будучи интегрированной в различные международные процессы, является одной из активных участниц международных соглашений в области обеспечения промышленной безопасности. И хотя данные нормативные акты чаще всего непосредственно не касаются вопросов предупреждения и противодействия преступности, общие проблемы охраны биосферных ресурсов, экосистем от нерачительного хозяйствования обусловили необходимость рассмотрения вопроса о международной регламентации

данных аспектов в отдельных источниках, а также некоторых проблем их имплементации в отечественную правовую систему.

Опыт зарубежных стран всегда представлял интерес для отечественной правовой доктрины, поскольку при внешней схожести подходов к разрешению тех или иных проблем в нормах права, особенно стран, входящих в одну правовую семью, имеются расхождения в правотворчестве и правоприменении. Отсюда еще одной задачей при написании данного пособия явилось выявление основных черт иностранного законодательства, выявление положительного опыта в реакции разных государств на наиболее общественно опасные деяния в производственной сфере.

При комплексном изучении проблем преступности в производственном секторе основное ядро представляют проблемы регламентации уголовной ответственности в отечественном законодательстве. В силу того, что деяний в данной сфере довольно много, все они разнообразны, считаем возможным дать синтезированную их характеристику, не вдаваясь в признаки отдельных составов преступлений. Вместе с тем, обращаем особое внимание на некоторые проблемные вопросы, которые могут стать предметом обсуждения на семинарских и практических занятиях, лечь в основу более обширных и глубоких учебно-методических и научных разработок.

1. История правового регулирования ответственности за преступления в производственной сфере

Вопросы уголовно-правовой защиты производственной сферы впервые остро заявили о себе в связи с широким развитием промышленности и транспорта. В результате технической революции общество подошло к осознанию того, что процессы получения материального, энергетического, интеллектуального продукта (производственные технологии) нуждаются в повышенной защите от возможных злоупотреблений, поскольку вместе со становлением мануфактур появляются и зачатки научного прогнозирования возможных последствий ненадлежащего хозяйствования, а также умышленных посягательств на промышленные объекты.

Впервые ученые-правоведы обратили серьезное внимание на проблемы, возникающие при нарушении установленных правил производства операций по добыче, переработке, транспортированию, складированию, сбережению, передаче прав владения, продаже производимых товаров и сырья, в начале XVIII в. Именно в это время происходит становление мануфактурного производства, отмечается переориентация экономики с сельского хозяйства на промышленность, увеличивается разработка сырьевых ресурсов, развивается международная торговля, причем растет экспорт готовой продукции. В этом смысле большое значение имел выход России к берегам Черного и Балтийского морей и создание системы каналов.

Уголовно-правовые нормы, вводимые вслед за произошедшими изменениями, следовательно, отражали социально-экономическую и политическую обстановку. Вместе с тем, необходимо отметить и обеспокоенность законодателя того времени вопросами охраны окружающей природной среды. Именно тогда в уголовно-правовых источниках появились уголовно-экологические нормы.

Одним из правовых актов, ярко демонстрирующим указанные тенденции, явился Морской устав 1720 г.¹ Основное его предназначение заключалось в детальной регламентации порядка

---

¹ См.: Колобов Б.В. Армия и флот // Законодательство Петра I / отв. ред.: А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М., 1997. С. 136–154.

корабельной службы и установлении общей структуры и организации российского военного и торгового флота. Наряду с другими вопросами, в него был включен Кодекс морских уголовных законов. В связи с высокой значимостью флота в политическом отношении и необходимостью обеспечения строгой дисциплины Уставом предусматривался ряд весьма жестоких наказаний, таких как «розстреляние», килевание (протаскивание виновного под днищем корабля), «биение кошками» и др. За пьянство на вахте следовало лишение жалованья или чина. В связи с потребностью государства в бесплатной рабочей силе в российском законодательстве появилось наказание в виде ссылки на каторгу, заимствованное Петром I из Венеции, где преступники были гребцами на судах, называвшихся каторгами, или галерами. Первоначально под каторжными работами в России понимались именно корабельные или адмиралтейские повинности. Позже содержание данного вида наказания было расширено, и арестанты стали направляться правительством в те местности и на те объекты (фабрики, заводы, порты, крепости и др.), где наиболее ощущалась потребность в рабочей силе. Помимо морского дела, стратегическое значение для армии придавалось и деятельности суконных и каразейных фабрик, в связи с чем правительство в 1774 г. разработало и опубликовало Регламент и Работные регулы для данных предприятий. Помимо общих вопросов безопасности, они содержали положения о наказаниях для работников за учиненные ими преступные деяния. Так, за аморальное поведение и уклонение от работы (в современном понимании тех норм) работника рекомендовалось жестоко наказывать кошками (особым родом плетей) и полгода кормить хлебом и водою¹. Из-за потребности в сохранении общего числа работников их не ссылали на каторгу даже за тяжкие преступления против личности. Вместе с тем, за кражу на предприятии и иные аналогичные преступления предлагалось судить рабочих по общим уголовным законам, «где особливья регулы».

В XVIII – середине XIX в. выделяется еще две тенденции: обращение внимания на характер использования естественных

---

¹ См.: Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909. С. 130–133.

богатств и классовое распределение прав на доступ к природным ресурсам. Освоение золотоносных рудников в Сибири и на Урале приводит к обогащению придворной знати, получившей право на владение ими. У крестьянства отбирается право свободно пользоваться природными источниками пропитания и иными ресурсами. Например, запрещалось собирать дрова в лесу¹. В ст. 146 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, утвержденного 20 ноября 1864 г., предусматривалось денежное взыскание в размере до 25 рублей за самовольную охоту, рыбную или иную ловлю на чужих землях или в чужих лесах и водах. Помимо данного взыскания, на виновных возлагалась обязанность уплатить владельцу поврежденного имущества вознаграждение, определенное в Положении от 18 июля 1862 г.²

Заметный промышленный рост, новые возможности освоения природных богатств, их добычи и переработки обусловили развитие природоохранного законодательства. Достаточно сказать, что с 1725 по 1801 г. было принято более 140 таких актов, а за 60-е гг. XIX в. появилось около 300 законов³. Уголовный закон также ознаменовался появлением новых составов преступлений. К примеру, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., действовавшем вплоть до 1917 г., раздел VII «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» включал обширную регламентацию ответственности за нарушения Устава Горного⁴ (гл. IV). В частности, ст. 627 гласила: «Производящие разведку и разработку золотосодержащих россыпей, без соблюдения правил постановленных об ограждении казенных лесов от истребления подвергаются лишению предоставленного им права и найденных приисков, а также подвергаются наказаниям за

---

¹ См. подробнее: Дулов А.В. Природные условия и развитие производительных сил России в XVIII – середине XIX века // Вопросы истории. 1979. № 1. С. 41–42.

² См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под ред. Б.В. Виленского. М., 1991. С. 413.

³ См. подробнее: Дулов А.В. Человек и природа в России XVIII – первой половины XIX в. // Природа. 1979. № 11. С. 92–94.

⁴ Устав Горный (офиц.: Свод учреждений и Уставов горного управления) – первый основной закон России в области горного права. Опубликован в 1832 г. в VII томе Свода законов Российской империи, выдержал еще три официальных издания (1842, 1857 и 1893 гг.). Он регламентировал порядок и ведение поисковых работ, добычи ископаемых как на государственных, так и на частных землях и т. п. (см. об этом подробнее: Перчик А.И. Горное право: учеб. М., 2002. С. 68–76.).

нарушения Уставов о казенных лесах». Виновные обязаны были привести, насколько это возможно, в прежнее состояние природные объекты и подвергались денежному взысканию в размере от одного до пяти рублей (ст. 970). В ст. 2108 разд. XII «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» за поджог рудников предусматривалась гораздо более суровая ответственность в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторжную работу в рудники сроком от 12 до 15 лет или в крепость на срок от 10 до 12 лет. В дополнение к этому практиковались и физические наказания, если отсутствовали основания их неприменения, в виде порки плетьюми через палачей. Альтернативно могло быть применено лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в отдаленные места Сибири¹. Законодательству того времени уже известны были составы поставления в опасность. Так, если рабочие рудников или иные лица были подвергнуты опасности гибели или калечения, а виновный должен был и мог предвидеть эти последствия, такое деяние уже перерастало в квалифицированное и наказывалось плетьюми в размере 100 ударов, наложением клейма и ссылкой на каторжную работу в рудниках как на длительный срок, так и бессрочно.

Особое значение в развитии экономики страны имело транспортное сообщение. Отсюда законотворец того периода уделял значительное внимание поддержанию в надлежащем состоянии путей сообщения, прежде всего водных, ибо наибольшую роль в перевозке грузов внутри страны в XVIII – первой половине XIX в. играл именно этот вид транспорта. Так, в разд. VIII Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. особое место занимали проступки, направленные против постановлений о судоходстве по рекам и каналам (ст. 1087–1097), о нарушении безопасности пароходных сообщений (ст. 1097¹) и о нарушении постановлений о торговом мореплавании (ст. 1203–1212). В дальнейшем комплекс этих норм был расширен. Развитие железнодорожного сообщения положило начало криминализации деяний, нарушающих «постановления сухопутные» (ст. 1078–1085). Здесь уже четко прослеживалось выделение спе-

---

¹ Законом от 11 июня 1885 г. разделение каторжных работ на рудниковые, крепостные и заводские было отменено (см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 1. СПб., 1902. С. 218).

циального субъекта преступления, в качестве которого выступали лица, ответственные за безопасность на соответствующем транспорте (управляющий паровым движением транспорта, надзирающий за железной дорогой, а равно лица, принадлежащие к управлению железной дорогой). В это время закладывались основы конструирования основного и производных от него составов преступлений в зависимости от формы вины и наступивших последствий. Затем стала традиционной модель возведения в ранг квалифицированного состава случаев причинения деянием смерти человека или повреждения его здоровья вследствие явной неосторожности или небрежности.

Уже на первых этапах развития производства стал очевиден риск загрязнения природных объектов продуктами переработки и промышленными отходами. В связи с этим не замедлили появиться законодательные меры, призванные способствовать предупреждению данных негативных последствий хозяйственной деятельности. Одним из примеров тому является ст. 1323 гл. VII «О нарушении правил благоустройства и хозяйства в городах и селениях» Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривающая денежный штраф в размере от 5 до 15 коп. (в зависимости от места совершения) за засорение рек и источников различными нечистотами. Сумма взыскания заметно возросла в случае «важной порчи воды» – до 3 руб. в селениях и до 25 руб. в городах. В ст. 52 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, также предусматривалась ответственность за загрязнение водных объектов. Так, если засорение осуществлено камнями, песком и т. п., а порчи качества воды не последовало, виновный должен был уплатить в казну сумму до десяти рублей. Если же в реку или канал были выведены трубы от помойных ям, заводов или отхожих мест денежное взыскание увеличивалось до двухсот рублей¹.

Новая веха в развитии уголовного права была открыта с внедрением в жизнь различных средств связи, в частности телеграфа и телефона, которые стали легким и эффективным способом передачи информации и сообщения с отдаленными местно-

---

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под ред. Б.В. Виленского. М., 1991. С. 402.

стями. С их помощью распространялись управленческие решения, велся контроль, заключались торговые сделки. Впервые в доктрине, прежде всего в цивилистической, зарождается новая область научного поиска – социально-правовая оценка правомерных и неправомерных деяний и их последствий, совершенных посредством технических новинок¹. С точки зрения уголовного права повреждение телеграфа и телефона рассматривались как разновидности повреждений имущества. В 1855 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было дополнено постановлением «О нарушении устава телеграфного». Законом от 8 декабря 1886 г. введены положения об ответственности за повреждение международного телеграфа, а законом от 27 ноября 1889 г. – об ответственности за повреждение телефонов².

Наряду с уже традиционными средствами дифференциации, законодатель внедряет новые подходы к этому процессу, углубляя его. Так, с учетом признаков объективной стороны, как и ранее, ведущее значение имеют преступные последствия. В частности, причинение вреда жизни или здоровью кого-либо при повреждении телеграфа (телефона), независимо от формы пользования поврежденным сооружением (частное, общее или правительственное), влекло наказание в виде тюремного заключения на различные сроки. Немаловажное значение имел и способ совершения деяния, который стал рассматриваться и как средство межотраслевой дифференциации юридической ответственности. Например, уголовно наказуемой признавалась остановка телеграфного сообщения, его замедление или изменение в нем знаков только в том случае, если это было сопряжено с какими-либо насильственными действиями или угрозами против лиц, обслуживающих телеграф (ст. 1143).

Все более широко для дифференциации ответственности применяются признаки субъективной стороны преступления. Так, конструирование составов по типу формально-материального предполагало наличие и умышленной, и неосторожной формы вины. Причинение лицу смерти или повреждение здоровья при неосторожном повреждении телеграфа (телефона) влекло

---

¹ См., например: Цвингман В.М. О влиянии техники на развитие договорного права // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 10. С. 149–173.

² См.: Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 219.

тюремное заключение на срок от 2 до 4 месяцев (ст. 1139), умышленное причинение этих же последствий повышало меру ответственности до высшей степени указанного наказания. На основании ст. 1140 умышленное повреждение телеграфа (телефона) «в какой-либо из принадлежностей онога» подразумевало отдачу в исправительные арестантские отделения. Немаловажное значение в выборе меры ответственности имела цель содеянного. Так, случаи повреждения телеграфных сооружений (телефонных линий) не влекли уголовной ответственности, если совершались не с целью «похищения входящих в состав онога вещей» (ст. 1141) или без намерения остановить предписание правительства или донесение оному (ст. 1144), а равно без цели совершения главнейших государственных преступлений (ст. 1145) или какого-либо преступления вообще (ст. 1146).

Еще одной линией разграничения ответственности выступали признаки субъекта преступления. Наиболее строго наказывались лица, которые по роду своих обязанностей и службы были допущены к управлению и эксплуатации оборудованием (должностные лица телеграфного управления, подрядчики и их приказчики, рабочие). Мера наказания для них всегда определялась по верхней границе имеющейся санкции (ст. 1148)¹.

В более поздний период ряд законодательных предписаний, касающихся ответственности за правонарушения в сфере пользования телеграфом и телефоном, в проекте нового Уголовного уложения предполагалось подвергнуть ревизии, систематизировать. Предложения выглядят более чем разумными даже с современной точки зрения. Так, предлагалось назначать тюремное заключение за повреждение телеграфного или телефонного сооружения при наличии двух условий: а) если оно служит для общего или правительственного пользования; б) если последовала остановка действия сооружения. За неосторожное повреждение телеграфа или телефона должны были следовать арест или денежная пеня. По цели деятельности выделялось только повреждение с намерением остановить передачу правительственного сообщения. Повреждение, совершенное с целью учинения государственного

---

¹ См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXIIA. Тай – Термиты. СПб., 1901. С. 777–778.

преступления, покрывалось общим понятием мятежа или измены. В проекте не упоминалось о наказаниях за причинение смерти или вреда здоровью при повреждении телеграфа (телефона), поскольку данные последствия встречались крайне редко и могли быть оценены с применением норм о совокупности преступных деяний¹.

В рассматриваемый исторический период появляется еще один новый объект уголовно-правовой охраны – энергия (прежде всего, электрическая). В уголовном законе появляются специальные нормы. Так, в соответствии со ст. 54 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, лица, обязанные заботиться об освещении улиц, наказывались денежным взысканием не свыше одного рубля с каждого фонаря за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих обязанностей, при этом они не освобождались от оплаты стоимости освещения. Вместе с тем, было положено начало дискуссии об электроэнергии как предмете хищения. Большинство дореволюционных юристов стояли на позиции, согласно которой электрический ток есть творческий продукт новейшего времени, предмет физического мира, вещь. Поэтому как предмету правового оборота ему должно быть указано надлежащее в нем место². Однако дальше дискуссий дело не пошло.

Развитие промышленного производства стимулировало вовлечение в сферу права результатов интеллектуальной деятельности человека. Уголовное право отреагировало на это созданием новых норм. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в главе XIV «О нарушении Уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности» содержало ст. 1788 (позднее – ст. 1353), на основании которой денежному взысканию от 100 до 300 руб. подлежал тот, кто нарушит чью-либо привилегию на изобретение. При этом отмечалось субсидиарное применение гражданско-правовых механизмов возмещения понесенных потерпевшим убытков и мер уголовной ответственности, что как нельзя лучше отражало основные подходы к защите частных и

---

¹ См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXIIА. Тай – Термиты. СПб., 1901. С. 778.

² См.: Дербург (лит. обработка Н. Розина). Кража электричества // Вестник права. 1899. № 10. С. 89–104; Цвингман В.М. Указ. соч. С. 171–173; Фойницкий И.Я. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 170.

публичных интересов, нарушенных преступлением. Это актуально и в наши дни. Уголовно-правовая защита прав на изобретение предоставлялась лишь с момента выдачи патента. Вывод об этом можно сделать на основании анализа источников права того времени. Непатентованное техническое изобретение правом вообще и уголовным в частности не защищалось от присвоения¹, хотя в доктрине имелись и иные суждения. Так, по мнению И.Я. Хейфеца, похищение или присвоение непатентованного изобретения становилось уголовно наказуемым деянием, если достигалось вымогательством или обманом, «ибо техническое изобретение, даже не будучи запатентованным, есть определенное имущественное благо»². Косвенным доказательством его точки зрения выступают нормы ст. 198¹⁰ и 198²⁶ Устава о промышленности, согласно которым дело о выдаче привилегии прекращалось и сторонам предлагалось решить спор в судебном порядке, если проситель обвинялся в присвоении себе чужого изобретения или усовершенствования³; выданная привилегия по истечении 2 лет со дня ее выдачи могла быть признана недействительной только по приговору суда в случае возбуждения уголовного преследования⁴.

Уголовно наказуемое посягательство на патентованное изобретение либо изобретение, в отношении которого была подана заявка на регистрацию, могло состоять в разглашении его технической тайны, секрета. В качестве субъекта преступления выступало лицо, которому тайна была вверена в связи с производственной деятельностью. Вместе с тем, к уголовной ответственности могло быть привлечено должностное лицо (например, фабричный инспектор или член технического комитета) за открытие кому-либо постороннему принадлежащего правительству или частному человеку секрета для производства каких-либо изделий, работ, машин, медицинских или иных составов и т. п. Особо среди возможных субъектов данного деяния выделялся патентный поверенный, огласивший изобретение, которому изобрета-

---

¹ См.: Хейфец И.Я. Уголовная охрана непатентованного технического изобретения // Вестник права. 1915. № 39. Стлб. 1077.

² Там же. Стлб. 1078.

³ См.: Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и Устав пробирный) / сост. М.П. Шрамченко, В.Е. Афанасьев. СПб., 1909. С. 134.

⁴ Там же. С. 141.

тель доверил свое изобретение для оформления заявки от своего имени. Он мог быть привлечен к ответственности по ст. 1719 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. за злоупотребление доверенностью¹.

Далее рассмотрим закономерности развития отечественного уголовного права под влиянием производственных технологий в послереволюционный период. В первое время существования Советского государства большая часть насущных проблем решалась посредством различных декретов, порой посвященных одному достаточно узкому специфическому вопросу. «Декретное право», предшествовавшее принятию УК РСФСР 1922 г., в сфере борьбы с преступностью делало упор на хозяйственные преступления.

Дальнейшее индустриальное развитие, наращивание производственных мощностей, перевод производства на новые рельсы экономического развития вновь актуализировало потребность государства в рабочей силе. Это сыграло важную роль в обособлении института уголовной ответственности за трудовое дезертирство и уклонение от учета рабочих и служащих. В изданном 9 мая 1921 г. декрете СНК «О трудовом дезертирстве»² под таким, в частности, понималось уклонение от установленных органами по трудовой мобилизации учета или регистрации; уклонение от явки для назначения на работу лиц, призванных в порядке трудовой мобилизации, и уклонение от явки на работу лиц, получивших назначение, самовольное оставление работы или службы, а равно уклонение от явки в органы учета и распределения рабочей силы после увольнения с работы и всякое уклонение от трудовой повинности различными способами (симуляция болезни, фиктивная командировка и т. д.). Эти нормы в аналогичной редакции в дальнейшем получили закрепление в ст. 126 УК РСФСР 1922 г., где помимо «простого» трудового дезертирства предусматривались санкции за трудовое дезертирство, сопряженное с ущербом для обороны страны.

По ст. 61 УК РСФСР лица, в первый раз отказавшиеся от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, подлежали лишь административ-

---

¹ См.: Хейфец И.Я. Указ. соч. Стлб. 1079–1080.

² См.: Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 46, ст. 447.

ному взысканию. Однако повторный отказ уже карался в уголовном порядке принудительными работами на срок до 6 месяцев или штрафом в размере тех же повинностей и работ. Впервые о принудительных работах как виде уголовного наказания упоминается в Инструкции Наркомюста РСФСР от 19.12.1917 «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний»¹. Позже было установлено, что к осужденным за преступления, которые карались наказанием в виде лишения свободы до 3 месяцев, должны были применяться общественно-принудительные работы всюду, где только такие организованы. И даже во Временной инструкции Наркомюста РСФСР «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» лишение свободы обязательно связывалось с назначением принудительных работ². Таким образом, можно сделать вывод о том, что посредством отдельных видов наказания, суть которых составляла трудовая повинность, государство решало сразу две задачи: с одной стороны, к преступнику применялась мера государственного принуждения как реакция на совершенное преступление, с другой – экономически и политически важные объекты обеспечивались бесплатной рабочей силой. В связи с этим советскими учеными высказывалось мнение о взаимосвязи криминализации абортов (ст. 146 УК РСФСР 1922 г. и ст. 140 УК РСФСР 1926 г.)³ с нехваткой людских ресурсов в условиях бурного развития социалистической экономики.

В рассматриваемый период во внешнеполитическом отношении было важно показать состоятельность проводимой советской властью экономической политики. Это привело к небывалой интенсификации производства и достаточно агрессивному пространственному (географическому) наступлению на окружаю-

---

¹ См.: Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 21 дек. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

² См. об этом подробнее: Мишунин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права (1917–1918 гг.). М., 1954. С. 206–207.

³ См.: Лаврентьева Т.А. К проблеме уголовной ответственности за криминальный аборт // Становление и развитие советского уголовного законодательства: материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 50-летию первого советского УК. Волгоград, 1973. С. 83–85.

щую природную среду¹. Требование освоения новых земель для выполнения продовольственной программы повлекло массовое осушение болот, изменение русла рек, сведение значительных лесных массивов. Такой тип хозяйствования не только привел к разбалансировке экологических систем, но и породил в общественном сознании ошибочное представление о превалировании целей экономического роста над целями соблюдения разумного баланса между решением производственных задач и сохранением экологического порядка.

Государство, конечно, пыталось ввести разумные ограничения, в том числе и путем установления уголовного запрета. Первым советским уголовно-правовым актом, заложившим основу для комплектования норм о защите природных богатств², стал декрет 1917 г., учредивший уголовную ответственность за лесопорубки без надлежащего разрешения³. В первые годы существования такого запрета ответственность за его нарушение дифференцировалась посредством квалифицирующих признаков, выделяемых на основе стоимостного выражения последствий деяния. Так, причинение лесному хозяйству ущерба в размере до 30 руб. по ежегодным таксам влекло штраф в размере не свыше тройной стоимости незаконно добытого или причиненного ущерба, но не менее 1 руб. с отображением незаконно добытого леса или без такового. Ответственность повышалась до принудительных работ на срок до 6 месяцев в случае причинения ущерба в размере более 30 руб. На протяжении всего последующего периода законодатель неуклонно расширял сферу ответственности за нарушение предписаний об охране лесов. Например, ст. 99 УК РСФСР 1922 г. устанавливала повышенные санкции в виде лишения свободы или принудительных работ на срок до одного года или штрафа до

---

¹ См.: Антипенко А.И., Водопьянов П.А. Развитие социально-природных взаимоотношений на современном этапе НТП // Научно-технический прогресс: взаимодействие факторов и тенденции развития. Минск, 1989. С. 25.

² Г.В. Швеков полагал, что платформой для природоохранного законодательства послужили положения ст. 99 УК РСФСР 1922 г., в которой предусматривалась ответственность за нарушение законов и обязательных постановлений, изданных в интересах охраны лесов от хищнической эксплуатации и истребления, а равно за ведение лесного хозяйства с нарушением установленного планами разработки недр земли с нарушением установленных правил (см.: Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 197).

³ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 6, ст. 93.

500 руб. за хищническую эксплуатацию и истребление леса, а равно за ведение лесного хозяйства с нарушением установленного плана. В дальнейшем ответственность была дифференцирована в зависимости от стоимости незаконно добытого леса. Уголовно наказуемыми считались лишь те деяния, результатом которых явился ущерб свыше 15 руб., или совершение деяния в виде промысла. Виновные подвергались лишению свободы на срок до одного года или штрафу до 100 руб. с обязательной конфискацией добытого.

УК РСФСР 1926 г. не только воспринял указанные нормы своего предшественника, но и закрепил специальную новеллу (ст. 85), в которой установил ответственность за нарушение постановлений об охране леса, совершенное в городских, пригородных, парковых, курортных, водоохраных, берегозащитных и почвозащитных лесах и лесах 50-километровой зоны вокруг Москвы, а равно за рубку леса в пределах запретных полос в водоохранной зоне¹.

Определенный интерес в разрезе социально-экономических проблем 20-х – начала 30-х гг. представляли уголовно-правовые нормы, регулирующие вопросы гуманного обращения с животными, используемыми в сельском хозяйстве в качестве средств производства. Иными словами, значимость лошадей и некоторых других сельскохозяйственных животных в пору становления советского народного хозяйства вполне понятна, так как они воспринимались не столько как объекты живой природы, сколько как рабочий инструмент, способствующий повышению уровня общенародного достояния. Этим объясняется, на наш взгляд, позиция постановления ЦИК и СНК СССР от 07.12.1931 «О запрещении убоя лошадей и об ответственности за незаконный убой и хищническую эксплуатацию лошади»², в котором предусматривалась ответственность за всякий незаконный убой лошадей в обобществленном секторе. Кроме того, полагаем, что именно подобные предписания явились прообразом более поздних норм

---

¹ См. об этом подробнее: Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 2 / под ред. А.А. Пионтковского. М., 1959. С. 368–371.

² См.: Собрание узаконений РСФСР. 1931. № 59, ст. 557.

ст. 230¹ УК РСФСР 1960 г.¹ и ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными».

Количество указанных составов постоянно увеличивалось и в УК РСФСР 1960 г. достигло 7 (ст. 163–169 входили в главу VI «Хозяйственные преступления»). Дальнейшая конкретизация законодательства о деяниях, посягающих на природную среду, привела к определенной «экологизации» уголовно-правовой доктрины и практики. В 70-е гг. XX в. в науке бурно обсуждалась идея о выделении в Уголовном кодексе специальной главы, объединяющей нормы об охране природных богатств². Определенное значение в этом отношении сыграла Конституция СССР 1977 г., впервые закрепившая в ст. 67 обязанность граждан беречь природу, охранять ее богатства. По мнению ряда юристов, с которыми следует согласиться, здесь имелась в виду не только охрана окружающей среды в материальном смысле (объекты природы, составлявшие народное достояние), но и в социальном аспекте (жизнь и здоровье человека)³. И это огромный шаг вперед на пути осмысления проблем, порождаемых научно-техническим прогрессом.

Постепенное разрастание дорожно-транспортной сети вызвало и волну правонарушений, связанных с транспортной инфраструктурой, что подвигло государство к обособлению и расширению группы транспортных преступлений. Помимо ставших уже традиционными деликтами на речном, морском и железнодорожном транспорте, в орбиту уголовно-правовых правоотношений на национальном уровне впервые был включен воздушный транспорт. В частности, декрет СНК от 17.01.1921 «О воздушных передвижениях» предусматривал уголовную ответственность лиц без различия подданства за нарушение правил о воздушных передвижениях⁴. Бланкетная норма ст. 75⁴ УК РСФСР

---

¹ Статья 230¹ введена в УК РСФСР Указом президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1988 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1988. № 14, ст. 397.

² См., например: Козак В.Н. Развитие уголовного законодательства об охране природы в СССР // Становление и развитие советского уголовного законодательства: материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 50-летию первого советского УК. Волгоград, 1973. С. 60; Бушуева Т.А., Дагель П.С. Объект уголовно-правовой охраны природы // Советское государство и право. 1977. № 8. С. 81; Тяжкова И.М. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны природы // НТП и правовая охрана природы. М., 1978. С. 98–100.

³ См.: Вольфман Г.И. Ответственность за преступления в области охраны природы: квалификация и наказание / под ред. В.И. Новосёлова. Саратов, 1984. С. 7.

⁴ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 6, ст. 41.

1926 г. предписывала налагать лишение свободы на срок до 3 лет или штраф до 3 тыс. руб. на лиц, виновных, в частности, в нарушении установленных воздушным законодательством СССР правил об охране порядка и безопасности воздушных передвижений, санитарных и противопожарных правил гражданского воздушного флота, при условии, если такие нарушения повлекли или могли повлечь тяжелые последствия и не являлись для нарушителя должностным преступлением.

Идея регламентации ответственности за деяния на воздушных судах была развита в УК РСФСР 1960 г., когда в главу 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» 17.04.1973 была включена ст. 213², предусматривавшая лишение свободы на срок от 3 до 10 лет за угон воздушного судна, находящегося на земле или в полете¹. Квалифицированный состав данного деяния предусматривал ответственность вплоть до смертной казни с конфискацией имущества при гибели людей или причинении тяжких телесных повреждений.

Не стоит упускать из виду, что совершенствование транспортной инфраструктуры, средств передвижения и появление новой техники способствовали не только насыщению Особенной части уголовного закона новыми «техническими» составами, но и расширению пространственной сферы действия уголовного права, причем как национального, так и международного. Не секрет, что изначально уголовный закон распространял свое действие в общей сложности на прибрежные морские воды. Как говорят некоторые авторы, – «на расстояние пушечного выстрела», для обеспечения благоприятных условий рыболовства населения прибрежных районов и охраны национальных рубежей от нападения с моря². Постепенно зона юрисдикции национального закона выросла до 12 миль, а в ряде случаев и до 200 миль. С формированием воздушного права как самостоятельной отрасли правового регулирования связано оформление воздушного пространства как особого объекта охраны. Возникает необходимость увеличения верхних пределов действия национального права до

---

¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 17.04.1973 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1973. № 16, ст. 352.

² См.: Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986. С. 95.

40 и даже до 100–110 км. В уголовном законодательстве начинают появляться разделы о пределах действия уголовного закона¹. Освоение космоса вызвало новое расширение границ действия права, главным образом международного. Таким образом, происходит рост так называемых плавучих и летучих территорий (воздушных и морских судов, платформ, космических кораблей и станций, спутников).

Рост технических возможностей человека обусловил вторжение последнего в глубь земли, вследствие чего недра превратились в самостоятельный объект правовой охраны. В частности, ст. 167 УК РСФСР 1960 г. предусматривала ответственность, вплоть до лишения свободы на срок до 2 лет, за нарушение гражданами правил разработки недр, а равно правил сдачи государству добытого ими из недр земли драгоценных металлов или драгоценных камней.

Освоение континентального шельфа обусловило необходимость выставления уголовно-правовой защиты и на этом направлении. Так, в 1974 г. в УК РСФСР 1960 г. включена ст. 167¹, в соответствии с ч. 1 которой наказанию в виде лишения свободы до одного года со штрафом до 10 тыс. руб. или только лишением свободы и штрафом в указанных размерах (альтернативно) подлежали виновные в возведении сооружений и иных установок на континентальном шельфе СССР, а также в создании вокруг них зон безопасности без надлежащего на то разрешения, а равно виновные в необеспечении охраны указанных выше объектов и неприятии в зоне безопасности мер по защите живых ресурсов моря от вредоносных отходов². Таким образом, научно-технический прогресс вызвал к жизни нормы, направленные не только на реализацию правовой реакции на преступление, но и стимулирование граждан к активным действиям по минимизации последствий преступных деяний.

В это же время криминализировано загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами (ст. 223¹), ответствен-

---

¹ См., например: ст. 5 Основ уголовного законодательства СССР 1958 г.; ст. 1–4 УК РСФСР 1922 г.; разд. 2 УК РСФСР 1926 г. и гл. 2 УК РСФСР 1960 г.

² См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.07.1974 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1974. № 29, ст. 781.

ность за которое дифференцировалась в зависимости от места совершения деяния (внутренние морские и территориальные воды СССР, воды открытого моря), на основе размера нанесенного ущерба (с причинением существенного вреда здоровью людей, живым ресурсам моря, зонам отдыха или другим законным видам использования моря и без наличия такового). Указанная норма являлась специальной по отношению к соседней ст. 223, регламентирующей ответственность за загрязнение водоемов и воздуха сточными водами, отбросами или отходами промышленных, сельскохозяйственных и иных предприятий, причинившее или способное причинить вред здоровью людей, сельхозпроизводству и т. п. Санкция повышалась до 5 лет лишения свободы за причинение указанными действиями, например, существенного вреда.

Усложнение деятельности человека, увеличение числа сфер приложения его сил и возможностей привело к разрастанию числа составов, связанных с нарушением установленных технических правил. Изначально в УК РСФСР 1922 г. в гл. VIII предусмотрены лишь три подобных деяния: неисполнение или нарушение при производстве строительных работ установленных строительных, санитарных или противопожарных правил (ст. 217); неисполнение или нарушение правил, установленных для охраны порядка и безопасности движения по железным дорогам и водным путям сообщения (ст. 218) нарушение установленных технических правил об установке механических двигателей (ст. 221). В УК РСФСР 1960 г. наблюдается существенное увеличение числа составов, связанных с различными вариантами нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 211–211³, 213–213¹), появились новеллы, посвященные нарушению правил безопасности на отдельных взрывоопасных объектах (ст. 216) и при обращении с различными вредными или опасными предметами – взрывчатыми веществами или пиротехническими изделиями (ст. 217), легковоспламеняющимися или едкими веществами (ст. 217¹, 220), микробиологическими или иными биологическими агентами и токсинами (ст. 222¹), радиоактивными материалами (ст. 223²–223⁵).

Советская власть вслед за ее предшественниками признавала огромное значение телефонной и телеграфной связи. Для обеспечения бесперебойной их работы уголовно-правовыми средствами в декрете СНК «О национализации телефонных со-

общений Российской Республики»¹ 1919 г. была предусмотрена ответственность за неподчинение или противодействие проведению в жизнь данного декрета, а также злонамеренной порчи и укрытии частей телефонного оборудования и прочего имущества телефонных сообщений. В процессе подготовки УК РСФСР 1922 г. нарком юстиции Д.И. Курский предлагал включить в схему Особенной части раздел X «Нарушение постановлений о почте и транспорте», который предусматривал ответственность за неправильное пользование телеграфом вместо почты². Однако предложение поддержки не нашло.

Позже в главе VIII УК РСФСР 1926 г. все же появилась норма со сходным содержанием (ст. 191), согласно которой виновные в пользовании радиостанцией частного пользования не по назначению или с нарушением условий полученного разрешения или же правил контроля со стороны соответствующих органов подвергались штрафу не свыше пятикратного размера уплачиваемой или подлежащей взысканию годовой абонентской платы. Среди деяний против порядка управления появилась ст. 75³, предусматривавшая наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет или штрафа до 10 тыс. руб. за нарушение установленных правил пользования радиоустановками как на судах СССР, так и на иностранных судах, находящихся в водах СССР.

Среди деликтов, носящих характер международных, начинает оформляться система конвенционных преступлений, среди которых следует отметить неосторожное повреждение морского телеграфного кабеля. Это явилось следствием имплементации норм Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей³ от 14.03.1884, к которой СССР присоединился 02.02.1926⁴. Ее положениями странам-участницам предлагалось подвергнуть криминализации разрыв или повреждение подводного кабеля умышленно или по неосторожности, если это могло

---

¹ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 35, ст. 344.

² См. об этом подробнее: Герцензон А.А. Развитие Особенной части советского уголовного права до издания первых уголовных кодексов // История советского уголовного права. М., 1948. С. 179–180.

³ См.: Сборник международных конвенций и соглашений, относящихся к торговому мореплаванью / сост. Л.А. Фурман. Л., 1947. С. 7–9.

⁴ См.: Постановление СНК СССР от 02.02.1926 // Собр. законов и распоряжений РКП СССР. 1926. Отд. II. № 31, ст. 187.

привести к перерыву или приостановке телеграфных сообщений. При этом четко указывалось на возможность субсидиарного применения мер уголовной и гражданской ответственности (ст. 2). В качестве возможных мер ответственности в Конвенции рассматривается личный арест и денежный штраф, как отдельно, так и в совокупности (ст. 12). Отечественный законодатель лишь отчасти исполнил данное международное обязательство, поскольку ст. 80 УК РСФСР 1926 г. предусматривала ответственность только за неосторожное повреждение морского телеграфного кабеля, если оно могло вызвать перерыв телеграфного сообщения. Наряду с этим, ст. 75² содержала общий состав о нарушении правил, регулирующих морское судоходство, которым также предусматривалась ответственность, помимо прочего, и за нарушение вне портовых вод правил о мерах охраны морских подводных телеграфных кабелей, при условии, что нарушение не является для совершителя должностным (служебным) преступлением. Деяние влекло наказание в виде штрафа до 300 руб., а в случае наступления тяжелых последствий увеличивалось до 3 тыс. руб., или лишения свободы на срок до 3 лет. По поводу умышленного повреждения кабеля специальный состав не был создан, но данное деяние охватывалось нормами ст. 79 об умышленном истреблении или повреждении имущества (в том числе электропроводов, средств связи и т. п.), принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, общественным организациям, а также ст. 175, содержащей подобные предписания в отношении имущества частных лиц.

УК РСФСР 1960 г. воспринял многие нормы о защите производственных технологий, связанных со средствами связи. Однако неизбежно появляется и ряд новелл. Так, в 1969 г.¹ советский уголовный закон обогатился новым специальным составом ст. 205¹ об ответственности за нарушение правил охраны линий связи, повлекшее повреждение кабельной линии междугородной связи, если оно вызвало перерыв связи. Альтернативная санкция предусматривала наказание в виде штрафа в размере до 2 МРОТ,

---

¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 17.10.1969 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 43, ст. 1291.

или исправительных работ на срок до одного года, или лишения свободы на тот же срок.

Только один из уголовных законов в анализируемый период поддержал идею дореволюционной правовой мысли об электроэнергии как предмете хищения. Статья 163 УК РСФСР 1926 г. предусматривала лишение свободы на срок до одного месяца с обязательным возмещением причиненного ущерба за тайное похищение (кражу) электрической энергии. При этом способ хищения и его размер не имели значения в плане криминализации, за исключением разве что явно малозначительных и тех, которые не привели к вредным последствиям (примечание к ст. 6)¹. Более поздние уголовно-правовые источники не восприняли данную норму.

Несмотря на малопродуктивное научное обсуждение проблем интеллектуального производства, в обществе все же нарастает убежденность в невозможности без него производства материального. Поэтому «духовное имущество» в интерпретации писателя А. Платонова² продолжает оставаться одной из гололомных категорий правоведения в целом и уголовного права в частности.

Главу VI «Имущественные преступления» УК РСФСР 1922 г. завершали две статьи с одинаковыми санкциями, включавшими принудительные работы сроком до одного года или штраф в тройном размере против самовольного пользования в корыстных целях чужим изобретением или привилегией, зарегистрированными в установленном порядке (ст. 198), а также в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, чужой фирмой или наименованием (ст. 199).

УК РСФСР 1926 г. остался верен ранее занятой позиции, предусмотрев в ст. 178 состав, аналогичный ст. 199. Вместе с тем, в основу ст. 177 была положена презумпция согласия автора на использование изобретения, известная еще со времен дореволюционного права. Кроме того, изобретение оказывалось под охра-

---

¹ См.: Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР: комментарий / под ред. И.Т. Голякова. М., 1946. С. 212.

² См. об этом подробнее: Кейзеров Н.М. Духовное имущество как комплексная проблема // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 16–17.

ной уголовного закона еще до регистрации его в надлежащем порядке, а среди криминообразующих признаков отсутствовала цель деяния. Таким образом, наказуемыми считались оглашение изобретения до заявки без согласия изобретателя, а равно самовольное использование литературных, музыкальных и иных художественных и научных произведений с нарушением закона об авторском праве. Кроме того, нельзя не отметить, что со временем произошло смягчение наказаний за анализируемые деликты: срок исправительно-трудовых (принудительных) работ был снижен до 3 мес.

УК РСФСР 1960 г. не внес сколько бы то ни было существенных изменений в регламентацию ответственности за нарушение авторских и изобретательских прав, за исключением криминализации принуждения к соавторству и появления в уголовном законе термина «рационализаторское предложение»¹. Однако законодатель более верно определил место данных деяний в тексте кодекса, расположив ст. 141 не среди имущественных преступлений, а среди деяний против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан.

Представляет интерес и непродолжительное существование (примерно 16 лет) в УК РСФСР 1926 г. двух специальных составов среди «иных преступлений против порядка управления» (гл. II) об ответственности командированных за рубеж граждан за объявление без надлежащего разрешения об изобретениях, созданных в СССР, а равно за передачу без надлежащего разрешения таких изобретений иностранным предприятиям, учреждениям или частным лицам (ст. 84-а), за аналогичные действия, совершенные в отношении изобретений и усовершенствований, относящихся к государственной обороне (ст. 84-б)².

---

¹ Под рационализаторским предложением понималось техническое решение, являющееся новым и полезным для предприятия, организации или учреждения, которому оно подано, и предусматривающее изменение конструкции изделий, технологии производства и применяемой техники или изменение состава материала (см.: п. 63 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях от 21.08.1973 № 584 (в ред. от 08.09.1990) // Свод законов СССР. 1990. Т. 2. С. 78.

² Отменены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27.06.1947 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 29.

Подводя итог анализу развития уголовного законодательства России имперского и советского периодов, отметим ряд моментов:

- доминирующая роль в процессе модификации правовых положений принадлежала меняющимся общественным отношениям, обусловленным развитием производственных технологий;
- преобразовательная деятельность человека способствовала усилению ответственности за преступления против природной среды и ее отдельных компонентов;
- происходило увеличение круга объектов уголовно-правовой охраны за счет расширения пространственной сферы действия права;
- отмечена более активная имплементация прогрессивных международно-правовых норм;
- композиция Особенной части уголовного закона становилась более продуманной; уголовно-правовые деяния распределялись в тексте кодифицированных актов по признаку родового и группового объектов, перемещались в разделы, содержащие более близкие «по духу» преступления.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте основные черты имперского периода развития уголовного права.

1. Выделите основные предпосылки, одновременно предопределившие и развитие производства, и генезис уголовного права.

2. Какие факторы определяли развитие уголовного права в советский период?

3. Прослеживается ли преемственность в развитии уголовного законодательства?

4. Какие абсолютные новеллы появились в уголовном законе по мере усложнения и развития производственных отношений?

2. Правовая регламентация вопросов обеспечения производственной безопасности в международном праве

Научно-технический прогресс сегодня имеет огромное влияние практически на все социальные процессы и способен вывести из равновесия любую, даже весьма устойчивую систему. Это требует создания сдерживающих механизмов, которые не просто помогали бы стабилизировать и выровнять ситуацию, но и могли способствовать дальнейшему научно-техническому развитию на благо цивилизации. Одним из таких универсальных механизмов выступает право.

Развитие производственных технологий, как и научно-технический прогресс в целом, обостряет вопросы безопасности не только на национальном уровне. Такие проблемы, как злоупотребление природными богатствами, хищническое использование ресурсов и объектов окружающей природной среды, многократное повышение потенциальных рисков самих производственных процессов, выходят на международную арену, приобретая глобальный характер, что диктует необходимость выработки определенной стратегии и механизмов защиты и профилактики в рассматриваемой сфере. Российская Федерация, являясь активным субъектом международного права, не может оставаться в стороне от решения указанных вопросов. Более того, она является инициатором обсуждения многих современных проблем, пока не получивших достаточно четкой регламентации в международном праве, но уже сегодня требующих единства подходов к установлению уголовно-правовых запретов, сближения различных правовых систем с учетом трансграничных эффектов, вызываемых производственной и хозяйственной деятельностью. Примером тому выступают проблемы функционирования топливно-энергетического комплекса.

Отсюда наша задача проанализировать в данном разделе основные международно-правовые источники, регламентирующие вопросы обеспечения производственной безопасности, выделить те из них, которые пока еще не имплементированы в полном объеме в отечественное уголовное законодательство, но в

ближайшем будущем могли бы быть включены отечественным законодательством и спроецированы на нормы уголовного права.

Для начала рассмотрим предпосылки развития международного законодательства в сфере природоохраны и техногенной безопасности. Во-первых, отметим, что большинство источников появляется в середине – конце XX в. как ответ на те общественно-политические и экономические процессы, которые произошли в отдельных государствах и приобрели значимость в планетарном масштабе. Так, в первые десятилетия после Второй мировой войны остро встал вопрос о перераспределении сфер влияния на международной арене, а вместе с тем и о наращивании стратегических вооружений. Отсюда и мощное развитие военно-промышленного комплекса и экспансия на окружающую природную среду, ставшую настоящей мишенью для технического процесса в эти годы. Вторая половина XX в. характеризовалась не просто развитием отдельных видов технологий и усложнением производственных процессов. Именно в этот период влияние техногенных факторов можно оценить как предельно агрессивное и слабо контролируемое. Однако достаточно быстро стало очевидно, что сложившаяся ситуация может привести к необратимым последствиям и гибели цивилизации. Начался процесс обсуждения возникших проблем, которые впервые были охарактеризованы как глобальные.

На заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1968 г. при обсуждении вопроса о влиянии научно-технического прогресса на права человека участники пришли к выводу, что сами по себе научные и технические открытия не несут нравственно-этического заряда, а негативные последствия их применения – это лишь результат деятельности человека. Именно эта идея стала ключевой для последующей разработки на международном уровне актов, направленных, с одной стороны, на стимулирование развития науки и техники, а с другой – на установление разумных ограничений в целях безопасности человечества и окружающей природной среды.

Первый и пока единственный акт международного уровня, комплексно и прямо затрагивающий вопросы использования достижений научно-технического прогресса на благо цивилизации, – Декларация об использовании научно-технического прогресса в

интересах мира и на благо человечества¹. В центре внимания данного документа – обеспечение мира в контексте обеспечения разоружения и мирного сосуществования государств, устойчивое социально-экономическое развитие. В преамбуле к нему явно обозначено, что научно-технический прогресс стал одним из важнейших факторов развития человеческого общества. Кроме того, признается его двоякая роль: с одной стороны, подчеркиваются возможности использования его достижений для улучшения условий жизни людей и народов, ускорения социально-экономического развития, а с другой – перечисляются опасности, которые неизбежно им порождаются, начиная от гонки вооружений и заканчивая нарушением частных гражданских и политических прав. В связи с этим Декларация отсылает нас к ряду иных, более ранних международных соглашений, среди которых Всеобщая декларация прав человека, Международные пакты о правах человека. Данный документ не предусматривает каких бы то ни было конкретных механизмов взаимодействия, а ограничивается призывами к принятию комплекса мер. Вместе с тем, данный документ задает определенный вектор развитию национальных законодательств безотносительно к какой-либо одной отраслевой направленности. Из чего следует, что страны – участницы данного соглашения обязуются с использованием имеющегося ресурса правовых норм и посредством создания новых правовых предписаний направлять научно-технический прогресс в определенное социально одобряемое русло, препятствуя при этом использованию его достижений в противоправных целях.

Особого внимания международного сообщества удостоилась проблема охраны окружающей среды. В начале 1972 г. в Стокгольме была создана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЭП) и контролирующие органы по ее выполнению. Данная Программа была учреждена на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1972 г. № A/RES/2997 (XXVII) и призвана способствовать координации охраны природы на международном уровне, имплементации норм международного природо-

---

¹ См.: Декларация об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН: резолюция от 10 нояб. 1975 г. № A/RES/3384 (XXX) // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., 2002. С. 362–363.

охранного права. До этого в ряде государств, таких как США (1969), ФРГ (1971), также были приняты правительственные программы по охране окружающей среды. Однако именно с создания ЮНЭП начался новый этап в развитии международного права, основанный на интегрированных подходах к вопросам безопасности. Ее миссия заключается в разработке и осуществлении проектов в области защиты всевозможных природных объектов (атмосферы, морской среды и др.), а также различных экосистем. И хотя напрямую проблемами преступности, связанными с производственной деятельностью, данная организация не занимается, опосредованно ею затрагиваются вопросы, отраженные в уголовном законодательстве и, стало быть, представляют для нас интерес.

Среди международных документов в сфере охраны окружающей природной среды, принимаемых на многочисленных конгрессах, совещаниях различного уровня, конференциях, выделяется достаточно много актов рекомендательного характера, которые не являются обязательными к исполнению принимающими сторонами. Тем не менее, как показывает анализ и отечественного и зарубежного права, государства стремятся приводить свои нормативную базу в соответствие с достигнутыми договоренностями. Остановимся подробнее на некоторых из наиболее авторитетных актов.

Стокгольмская декларация по окружающей человека среде 1972 г.¹, Всемирная хартия охраны природы 1982 г.² и Декларация по окружающей среде и развитию 1992 г.³ выступают как комплексные документы, закрепляющие наиболее общие идеи в сфере природопользования. Так, человек признается творением природы, зависящим от непрерывного функционирования природных систем, которые являются источником энергии и питания. С другой стороны он является творцом, наделенным способностью к активному преобразованию окружающей его среды. Поэтому к нему предъявляются требования ответственного отношения к плодам собственной деятельности. Усилия государств, согласно указанным документам, должны быть направлены на выработку единых подходов к сохранению невозобновляемых и адекватному

---

¹ См.: Действующее международное право: в 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 682–687.

² См.: Международное публичное право: сб. документов: в 2 т. / сост. и вступ. ст.: К.А. Бекяшев, А.Г. Ходаков. М., 1996. Т. 2. С. 132–135.

³ Там же. С. 135–138.

воспроизводству возобновляемых природных ресурсов, создание необходимых условий для достойного существования людей во всех уголках планеты, постепенный отказ от оружия массового уничтожения и др. Защита окружающей среды представлена как неотъемлемая часть процесса развития цивилизации. Весьма важным в осмыслении глобальных проблем является, по нашему мнению то, что наращивание научного потенциала и широкий обмен научно-техническими знаниями, совместная разработка, адаптация, распространение и передача новаторских технологий рассматриваются как залог успешной деятельности в направлении минимизации и предотвращения вредных последствий деятельности человека. Особенно следует отметить некоторые положения Декларации 1992 г., где впервые был затронут вопрос об информационном взаимодействии государств и отдельных сообществ при возникновении реальной или потенциальной угрозы окружающей среде, более рельефно показаны юрисдикционные способы разрешения правовых конфликтов с задействованием судебных и административных процедур. Весьма прогрессивным и значимым является принцип учета экономических и социальных издержек в рамках той или иной национальной системы при принятии законодательных актов в области окружающей среды и оценке их эффективности.

Помимо международных соглашений общего плана, можно выделить источники более узкой направленности. Так, например, ряд конвенций призван защищать отдельные природные компоненты по региональному признаку. В их числе следует упомянуть: Конвенцию по сохранению живых ресурсов Юго-Восточной Атлантики 1969 г.¹, Конвенцию о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г.², Конвенцию об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе 1979 г. Их целью является сохранение (рациональное использование) популяций животных и растений, а также экосистем в условиях хозяйственной и промысловой деятельности человека.

Практически во всех международных актах, направленных на охрану окружающей среды, так или иначе поднимаются про-

---

¹ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1974. Вып. XXVII. С. 193–200.

² См.: Сборник международных договоров СССР. М., 1984. Вып. XXXVIII. С. 383–395.

блемы экстерриториальности природных и техногенных процессов. Особенно отчетливо это заметно на примере таких документов, как Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г.¹, Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий 1992 г.², Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г.³ Особенностью данных документов является то, что они по своему содержанию более конкретны в реализации целей безопасности, т. е. предусматривают комплекс задач, которые ставятся перед договаривающимися сторонами. Например, Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий предусматривает перечень мер, которые могут быть реализованы странами-участницами при условии их приемлемости с точки зрения национального законодательства и практики. Среди них названы следующие: утверждение законодательных положений или руководящих принципов, касающихся мер и норм безопасности; определение опасных видов деятельности, требующих профилактических мер, включая систему лицензирования или санкционирования; проведение исследований, мониторинга, оценки рисков; информационный обмен между заинтересованными субъектами; выбор наиболее подходящих технологий с целью предотвращения промышленных аварий и защиты людей и окружающей среды; включение управленческого ресурса для эффективного соблюдения и обеспечения норм безопасности.

Данные Конвенции не столько направлены на ликвидацию последствий техногенных катастроф, сколько на их недопущение. Еще одним ярким примером этого выступает Конвенция о предотвращении крупных промышленных аварий (Конвенция № 174, 1993 г.), принятая на 80-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда в г. Женеве. Данная Конвенция пока не ратифицирована Россией, но к этому имеются все предпосылки. В преамбуле Конвенции обращено внимание на три основных аспекта, требующих конкретных шагов от мирового сообщества: 1) предотвращение крупных аварий; 2) максимальное сокращения риска крупных аварий; 3) максимальное

---

¹ См.: Международное публичное право: сб. документов. М., 1996. Т. 2. С. 194–199.

² См.: Бюллетень международных договоров. 2000. № 6. С. 19–46.

³ Там же. 1999. № 10. С. 3–18.

ослабление последствий крупных аварий. В данном документе сделан акцент на нивелировании причин техногенных катастроф, таких как организационные ошибки, человеческий фактор, выход из строя узлов и блоков, отклонение от нормального рабочего режима, внешние обстоятельства и природные силы. Оперируя такими терминами, как «опасное вещество», «предельно допустимое количество», «объект повышенной опасности» и другими, Конвенция обращается не только к странам, присоединившимся к ней, но и к отдельным субъектам, ведущим хозяйственную деятельность, в том числе к предпринимателям. Именно последние, имея в распоряжении огромные промышленные мощности, стремясь сэкономить и применяя более дешевые, но отнюдь небезопасные технологии, в условиях слабого контроля представляют повышенную угрозу. Однако не только владельцы предприятий рассматриваются в Конвенции как обязанные субъекты. Согласно ее положениям ответственность несет каждый работник на своем рабочем месте. Действительно, как признает Международная организация труда, зачастую серьезных последствий техногенных катастроф можно было избежать, если бы действия персонала в случае возникновения аварийной ситуации были слаженными, грамотными и своевременными.

Напрямую проблемам преступности посвящена Бангкокская декларация «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия», принятая на XI Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, Таиланд, 18–25 апреля 2005 г.). Ее положения отражают современные тенденции развития криминальных явлений, угрожающих международной безопасности, многие из которых прямо или косвенно связаны с научно-техническим прогрессом. И хотя производственные технологии, как детерминанты современной преступности, в данном документе не фигурируют, его более углубленный криминологический анализ позволяет заметить ряд важных моментов, представляющих значительный интерес в рамках темы настоящего учебного пособия. Так, в частности, в преамбуле и основном содержании Декларации выражается обеспокоенность масштабами транснациональной организованной преступности, в том числе незаконного оборота наркотиков и оружия. Ни для ко-

го не секрет, что данные негативные явления могут подпитываться за счет нелегально налаженного, возможно кустарного, производства. Достаточно упомянуть тот факт, что львиную долю наркотических средств и их аналогов поставляют подпольные нарколаборатории. Это, в нашем понимании, также относится к категории производства, пусть и функционирующего за гранью законности. Отдельное внимание в Декларации уделено киберпреступности и кибербезопасности, вопросам информационной безопасности. Можно с уверенностью констатировать, что в эпоху тотальной информатизации и компьютеризации данная проблема актуальна и для производственной сферы. Да и общая идея противодействия противоправному использованию достижений научно-технической мысли в современных условиях настолько универсальна, что может быть применена к подавляющему числу проблем преступности сегодняшнего дня.

Реакцией на такую озабоченность стало, в частности, проведение международных научных форумов по обсуждению назревших проблем глобальных процессов на Земле. Логическим продолжением научной полемики явилось создание Концепции устойчивого развития¹. В качестве основ устойчивого развития обозначены экономический и социальный прогресс, а также охрана окружающей природной среды как на местном, национальном, так и на региональном и глобальном уровнях (п. 5). Концепцией признано, что изменение моделей потребления и производства, а также охрана и рациональное использование природной ресурсной базы в интересах социально-экономического развития являются главнейшими целями и основными потребностями устойчивого развития (п. 11). Наконец, для целей настоящего раздела принципиальную важность приобретает принцип коллективного партнерства, провозглашенный в п. 16, а равно призыв участников Всемирного саммита на высшем уровне по устойчивому развитию диалога и сотрудничества между цивилизациями и народами мира, независимо от расы, инвалидности, религии, языка, культуры или традиций.

---

¹ См.: Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию: принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 26 авг. – 4 сент. 2002 г.). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Завершая анализ международных источников, сделаем ряд обобщений. Международное сообщество всерьез обеспокоено глобальными проблемами, являющимися порождениями научно-технического прогресса. Данные проблемы являются весьма разноплановыми, но всех их объединяет одно – без надлежащего реагирования и контроля негативных процессов человечеству грозит реальная опасность, что требует правовых и организационных мер от каждого государства – участника международных конвенций и иных соглашений. Основные акценты в указанных документах сделаны на координации усилий и совместных действий стран, необходимости информационного обмена, выработке единых подходов реагирования на вызовы природного и техногенного характера, что будет способствовать сближению правовых систем. Вместе с тем, отметим необходимость постоянной модернизации и систематизации международного права в целях исключения устаревших и не отвечающих современному уровню развития науки и техники положений, усиление элементов контроля над выполнением международных договоренностей в полном объеме. Особенно это касается таких сфер, как защита окружающей природной среды, технического регулирования. Следует помнить, что международные договоры и соглашения – это всего лишь правовая и чаще всего идеальная модель взаимоотношений государств. Претворение ее в жизнь, а стало быть, и обеспечение эффективности международного права – задача, стоящая перед каждой страной в отдельности и устойчивыми объединениями государств.

Транснациональный характер проблем, обусловленных научно-техническим прогрессом, влечет повышение роли международных норм в вопросах упрочения мира, социально-экономического развития, при решении экологических задач. С момента первых шагов на пути широкого международного сотрудничества на поприще обеспечения безопасности перед лицом глобальных угроз предметное поле обсуждения проблем, обусловленных научно-техническим прогрессом, заметно расширилось. Здесь следует указать на следующие аспекты: обеспечение биологического многообразия; химико-фармацевтическая, транспортная, компьютерная и топливно-энергетическая безопасность и некоторые другие.

Вопросы для самоконтроля

1. Перечислите основные международно-правовые акты, регламентирующие обеспечение безопасности в производственной сфере.
2. Какие из перечисленных актов ратифицированы Россией?
3. Какие из перечисленных актов носят общий характер, какие имеют региональное значение, а какие касаются отдельных вопросов?
4. Международные акты, регламентирующие обеспечение безопасности в производственной сфере, имеют общеобязательное значение или носят рекомендательный характер для договаривающихся сторон?

3. Уголовное право зарубежных стран на защите общественных отношений в производственной сфере

Осознание негативных последствий интенсификации научно-технического прогресса оказало значительное влияние на уголовную политику различных государств. Вместе с тем, проявило себя и влияние международно-правовых норм. Изучение направлений развития национальных законодательств приобретает особую значимость в условиях глобализации, когда зависимость различных стран друг от друга, от проводимых каждым государством мероприятий по контролю в области использования технически сложных механизмов, связанных порой с угрозой причинения тяжких последствий, выступает едва ли не приоритетным направлением межгосударственного сотрудничества.

Принимая во внимание вышеизложенное, проанализируем предлагаемые рядом стран варианты уголовно-правового воздействия при неправомерном или ненадлежащем использовании производственных технологий. В ходе исследования предписаний уголовного законодательства зарубежья выявлены следующие тенденции регулирования ответственности в сфере существования производственных ресурсов.

Во-первых, для большинства современных зарубежных стран традиционно выделение в уголовном законе самостоятельных разделов о преступлениях, представляющих общественную опасность; во-вторых, зарубежная уголовно-правовая доктрина и практика признают вполне оправданным криминализацию соучастия в неосторожном преступном деянии (неосторожного сопричинения); в-третьих, усиленное внимание иностранного законодателя к регламентации ответственности за экологические преступления и/или проступки и опосредованность деятельности по противодействию преступности в данной сфере работой всевозможных национальных природоохранных органов и организаций; в-четвертых, признание в качестве видовых/групповых, а чаще непосредственных объектов преступного деликта довольно «узких» сегментов общественных отношений; в-пятых, расширение сферы «энергетических» явлений, способных считаться предметами преступного посягательства за счет привлечения в УК деликтов, сопряженных с атомной, ядерной и другой подобной энергией.

Проиллюстрируем каждое из названных выше направлений развития зарубежного уголовного законодательства.

1. При детальном изучении УК стран дальнего и ближнего зарубежья, выявлено следующее. Как правило, иностранное уголовное законодательство имеет в своем арсенале самостоятельный раздел (чаще – несколько), вбирающий нормы о противоправной реализации производственных технологий. Отдельные законодатели группируют такие составы на основе межродового объекта посягательств, которым выступает уже упоминавшаяся ранее в разрезе проблем отечественного УК общественная безопасность (гл. 13 УК Швеции; разд. 9 УК Армении, гл. 14 Общегражданского УК Норвегии; разд. VII УК Аргентины и др.). Особое место среди них занимает УК Республики Армения 2003 г., в котором преступления против общественной безопасности – это часть довольно объемного разд. 9, охватывающего, помимо всего прочего, и преступления против компьютерной безопасности, общественного порядка и нравственности, здоровья населения (в общей сложности более 60 составов). Между тем деяния, посягающие на безопасность окружающей среды, выведены в отдельный разд. 10.

Однако чаще всего положения об ответственности за преступные деяния техногенного характера аккумулируются в тексте уголовного закона исходя из особенностей родового объекта. Так, большинство стран в своих УК вычленяют отдельные главы, посвященные деликтам, причиняющим вред или создающим опасность его причинения какой-либо сфере безопасности общества. Например, в структуру УК Украины включены разделы о преступлениях против общественной безопасности, о преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта, промежуточное место между ними отдано деяниям против безопасности производства, в разд. XIII расположились нормы о деликтах, связанных с наркотическими, психотропными веществами или их аналогами. При этом почти под занавес Особенной части значится система преступлений в сфере использования ЭВМ (компьютеров), систем и компьютерных сетей.

2. В зарубежном уголовном праве признана возможность наступления ответственности за неосторожное соучастие (совместное сопричинение) в преступлении или проступке. Такая конструкция обнаруживает себя в ряде УК. Так, в УК Республики Сан-Марино различается соучастие и сопричинение, несмотря на то, что обе категории охватываются единым разделом о соучастии большого числа лиц¹. Исходя из толкования ст. 73, можно сделать вывод о признании умышленно совершенного деяния несколькими лицами в качестве собственно соучастия, а того же деяния, совершенного неумышленно, как сопричинения. В силу все той же ст. 73 УК: «В случае неумышленного преступления, когда наличие состава преступления определяется исходя из объективно взаимосвязанного поведения нескольких лиц, любой сопричинитель преступления подвергается наказанию, установленному для этого вида преступлений». При совершении проступков соучастники несут ответственность в зависимости от конкретных случаев, за соучастие либо за сопричинение.

В соответствии со ст. 4 гл. 23 «О покушении, приготовлении, сговоре и соучастии» УК Швеции «каждый соучастник дол-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред. С.В. Максимова. СПб., 2002. С. 70.

жен быть осужден в соответствии с умыслом или неосторожностью, относящихся к нему»¹.

Из постсоциалистических государств, пожалуй, лишь УК Польши может похвастаться подобными нормами. Общая законодательная дефиниция соучастия не приводится, однако ст. 20 предписывает следующее: «Каждый из соучастников в совершении запрещенного деяния подлежит ответственности в пределах своего умысла или неумышленной вины независимо от ответственности остальных соучастников»². Отсюда правомерен вывод о признании легитимности соучастия в неосторожном преступлении.

Более привычен институт неосторожного соучастия в уголовно-правовой доктрине и судебной практике англо-американской системы права. Существующее в правоприменительной практике США правило ответственности соучастников за все «естественные и вероятные последствия» достаточно серьезно критикуется научной общественностью. Однако Примерный УК 1962 г. допускает возможность признания лица в качестве соучастника преступного деяния, если оно действует «по неосторожности при обстоятельствах, обнаруживающих крайнее безразличие к ценности человеческой жизни». Вместе с тем, «неосторожность и безразличие» презюмируются, если лицо является соучастником совершения или покушения на совершение ряда преступлений (поджога, берглэри и др.).

В английском праве институт ответственности за неосторожное сопричинение вреда несколькими лицами известен с древности. Для него достаточно, чтобы другие соучастники предвидели совершение исполнителем именно такого рода действия, и прямая установка на его выполнение не обязательна³.

Большинство остальных государств зарубежья исходят из возможности только умышленного совершения преступного деяния в соучастии.

---

¹ Уголовный кодекс Швеции / науч. ред.: Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. СПб., 2001. С. 194.

² Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред.: А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. СПб., 2001. С. 54.

³ См.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие. М., 1998. С. 112–114.

3. Осознавая опасность, таящуюся в нарушении принятых в соответствующем государстве правил поведения в различных экосистемах, национальные законодатели практически повсеместно закрепили круг общественно опасных деяний, посягающих на нормальное функционирование окружающей природной среды и ее отдельных компонентов в уголовных законах. В ряде государств, исповедующих широкий подход к кругу источников уголовного законодательства, в последнее время, помимо уголовного права, понимаемого в качестве фундаментальной отрасли права, регулирующей вопросы ответственности за наиболее опасные с точки зрения интересов личности, общества и государства деяния, обособляется довольно специфическая совокупность юридических норм и правил – уголовно-экологическое право. Исходным посылом здесь выступает факт того, что наибольший вред окружающей среде причиняет преобразующая деятельность не преступника-одиночки, а коллектива, занятого в какой-либо сфере производства. Отсюда закономерен вывод: уголовно-экологическое право – это прежде всего отрасль, регулирующая ответственность предприятий. Классическим примером признания такой отрасли права можно считать Германию.

Одним из самых дискуссионных и одновременно наиболее принципиальных вопросов новой отрасли является вопрос: что защищается уголовно-экологическим правом? Проблема предмета правового регулирования рассматривается с позиций нескольких распространенных подходов: а) с точки зрения «экоцентрического» подхода предметом данной отрасли выступает природа как таковая; б) монистически персональная школа утверждает, что такое право служит исключительно человеку; в) исходя из экологически-антропоцентрических идей, ответом на вопрос провозглашены принципиально признанные экологические блага, направленные на человеческие интересы. Последний постулат является в немецкой доктрине доминирующим.

Современная природная среда сталкивает человека с возрастающими, ранее не известными рисками, которые становятся неотъемлемой чертой современного общества. Более того, научные изыскания множества исследователей фокусируются на проработке концепции «Общество риска», заложенной в 1980-е гг. английским социологом Э. Гидденсом и немецким социальным фи-

лософом У. Беком¹. Авторы исходят из того, что переход от традиционного индустриального общества к «обществу риска» в немалой степени сопряжен с конфликтом между локальными и глобальными явлениями, когда попытки локального контроля риска неизбежно терпят фиаско из-за расширения риска за пределы национальных (государственных) границ. По образному выражению У. Бека, «перед лицом глобального, не признающего национальных границ перемещения ядовитых веществ жизнь травинки в баварском лесу зависит в конечном счете от заключения и выполнения международных соглашений»².

Проблемы уголовно-экологического права опосредованы еще и так называемым эффектом кумуляции, при котором причинение вреда окружающей среде характеризуется действиями многих лиц. А поскольку традиционное уголовное право анализирует ситуации с немногими участниками и оказывается неготовым к совместным преступлениям, на передний план выдвигается дискуссия об уголовной ответственности юридических лиц. Напомним, что для отечественной уголовно-правовой доктрины эта проблема периодически заявляет о себе, но пока не нашла достаточного числа сторонников среди лиц, наделенных правотворческими полномочиями и входящих в представительные законодательные органы.

В рамках зарубежной науки и практики можно вычленить несколько моделей привлечения юридических лиц к ответственности, применяемой в числе прочего и за экологические преступления. Во-первых, преступное деяние работника вменяется предприятию. Для этого сначала необходимо установить индивидуальную степень вины деятеля, а уже потом предприятие несет ответственность (Испания, Франция, Дания, Финляндия и др.); вторая модель предполагает, что недостатки организации производственного процесса способствовали совершению деликта и, следовательно, ответственность возлагается на предприятие (США, Австралия); в третьей группе считается, что предприятие –

---

¹ См. об этом подробнее: Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2003. С. 21–30; Бек У. От индустриального общества к обществу риска / перевод А.Д. Ковалёва // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 161–168; Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000. 383 с.

² Указ. соч.

источник опасности, в связи с чем осуществление этой опасности автоматически вменяется предприятию (Польша, Швейцария).

Традиционными санкциями для юридических лиц в зарубежном уголовном праве выступают: штраф (причем в ряде стран его размер зависит от основного наказания, предусмотренного за совершенное преступное деяние, – ст. 41bis УК Бельгии¹; ликвидация предприятия; временное или окончательное прекращение деятельности одного или нескольких предприятий юридического лица; временный или окончательный запрет осуществлять действия, вытекающие из предмета деятельности юридического лица; опубликование или иное обнародование решения за счет осужденного (подотдел 2 отдела V УК Бельгии). По УК Франции, помимо озвученных, могут применяться: помещение под судебный надзор на срок не более 5 лет; исключение из участия в договорах, заключаемых от имени государства бессрочно или на срок не более 5 лет; запрещение обращаться с публичным призывом к размещению вкладов или ценных бумаг на тот же срок; конфискация вещи, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния или была получена при его совершении (ст. 131–39)².

В контексте обсуждаемых вопросов крайне актуальным выглядит проблемный комплекс «административная акцессорность уголовного права». В отдельных странах экологические преступления наказуемы и с позиций норм уголовных законов, и с точки зрения административной юрисдикции. При этом, например в ФРГ, при создании опасности подлежащей защите территории (§ 239 УК) достаточным является нарушение определенного правового предписания³. В УК стран, легализовавших институт административной преюдиции в уголовном праве, экологическое деяние приобретает статус уголовно наказуемого при совершении его в течение определенного времени (чаще – в течение года) после применения административных санкций за такое же нарушение. Такую конструкцию, в частности, использует УК Республики Беларусь в ряде статей гл. 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды» (ст. 271 «Нарушение правил

---

¹ Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. Н.И. Мацнева. СПб., 2001. С. 58–59.

² Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки и Н.Е. Крыловой. СПб., 2002. С. 112–113.

³ Уголовный кодекс ФРГ / науч. ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2003. С. 496–498.

охраны недр», ст. 272 «Загрязнение либо засорение вод», ст. 274 «Загрязнение атмосферы», ст. 275 «Загрязнение леса» и др.)¹.

Охрана окружающей природной среды за рубежом традиционно находится в сфере полномочий исполнительных органов или, как принято говорить, «полицейской власти». Вместе с тем, такая деятельность в странах дальнего зарубежья строится большей частью на основе различных программ. К тому же во многих государствах эта сфера опосредована работой многочисленных правительственных и неправительственных организаций. В этом смысле представляет интерес опыт США и Финляндии.

В США в целях централизации управления и осуществления выполнения главных федеральных природоохранных программ в 1970 г. было создано Агентство охраны окружающей среды США (ЭПА). За время существования ЭПА определило стандарты качества для опасных загрязнителей воздуха, стандарты для выбросов двигателей для всей страны (исключая Калифорнию, где предусмотрен более строгий контроль), нормы для токсичных загрязнителей и т. д. Кроме того, ЭПА обладает возможностью реагировать на нарушение федеральных актов различными методами. В число таковых включены: рассылка уведомлений о нарушении и издание приказов о выполнении требований; наложение административного штрафа до \$200 тыс. за нарушение, изъятие лицензии и препятствование получению виновным федеральных правительственных контрактов; обращение в суд за вынесением постановления о прекращении деятельности, вызывающей загрязнение с требованием устранения причиненного ущерба; предъявление исков о взыскании штрафов в соответствии с законами «О чистом воздухе» и «О сохранении и восстановлении ресурсов». Интересно, что подобные иски рассматриваются федеральной прокуратурой США как уголовные дела, и это есть последний возможный способ воздействия на нарушителя². Между тем федеральные законодательные акты закрепляют институт «гражданских исков», что предполагает возможность отдельных граж-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь / предисл. Б.В. Волженкина. СПб., 2001. С. 307–327.

² Тейман С.К. Применение уголовной ответственности в области законодательства об охране окружающей природной среды в США // Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. 1993. № 3. С. 52.

дан или общественных объединений обратиться к ЭПА с требованием судебного запрета или гражданских взысканий к нарушителям по истечении 60 суток, отведенных правоохранительным органам для начала расследования¹. Однако следует признать, что процент успешных, т. е. окончившихся реальным наказанием причинителя вреда, дел, переданных ЭПА прокуратуре, невелик. Как показывают данные Национального центра по проведению расследований, 80% случаев разрешаются путем заключения мирового соглашения между обвинителем и обвиняемым. А количество привлеченных к реальному сроку лишения свободы – единицы².

В Финляндии на основе Резолюции AGN/65/RES/25 Генеральной Ассамблеи Интерпола в 1997 г. создана Национальная рабочая группа по мониторингу экологических преступлений в регионе. В задачи организации входят, к примеру, мониторинг состояния экологической преступности в Финляндии, развитие сотрудничества с контролирующими инстанциями, оказание правовой помощи по вопросам, отнесенным к предметам ведения, и составление ежегодного доклада о состоянии окружающей природной среды и преступности в Финляндии. Группа сотрудничает с Центром экономического развития, транспорта и окружающей среды, деятельность которого определяет мониторинг всего экологического законодательства страны. В последнее время в Финляндии прорабатываются идеи о закреплении в УК ответственности за противоправное использование ядерной энергии, взрывчатых веществ при совершении преступлений и др.

4. Анализ уголовного законодательства зарубежных стран показал, что национальные законотворцы нередко признают в качестве видовых/групповых, а чаще непосредственных объектов преступного деликта довольно «узкие» сегменты общественных отношений. Для иностранного законодательства привычными являются составы создания опасности людям посредством распространения инфекционных заболеваний, при этом в ряде УК линией размежевания ответственности выбрана форма вины. К примеру, в § 178 УК Австрии³ предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет или денежного штрафа до

---

¹ Тейман С.К. Указ. соч. С. 53.

² Там же. С. 56–59.

³ Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. С.В. Милюкова. СПб., 2004. С. 228.

360 дневных ставок в отношении всякого, кто совершает действие, способное вызвать угрозу распространения инфекционных заболеваний среди людей, если болезнь относится к заболеваниям, подлежащим обязательной регистрации в соответствующих органах. Срок лишения свободы снижается до одного года для лица, совершившего такое деяние по неосторожности (§ 179). Среди деяний, представляющих опасность для общества, в ст. 257 УК Республики Сан-Марино упоминается о лишении прав первой степени и поденном штрафе второй степени лица, занимающегося медицинской практикой, которое не соблюдает обязанности сообщать медицинским властям о заразной болезни либо психическом заболевании, которым страдает лицо, находящееся у него на лечении и представляет опасность для себя и других лиц¹.

Кроме того, нельзя не отметить, что объектом преступного посягательства нередко выступает и безопасность в сфере фармакологии. В частности, ст. 200 УК Аргентины устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет каторжных работ или тюремного заключения в отношении того, кто отравил или подделал опасным для здоровья способом лекарственные вещества, предназначенные для общественного пользования либо потребления коллективом людей. Повышающим общественную опасность обстоятельством является наступление смерти человека². Похожее деяние образует состав незаконной фармацевтической деятельности в УК Литвы (ст. 275)³. Наказанию в виде лишения свободы сроком от 2 до 8 лет подлежит физическое или юридическое лицо, изготовившее без разрешения лекарство или лечебное средство с целью сбыта, а также сбывшее такие препараты, если их потребление повлекло смерть человека или сильное нарушение здоровья.

Наконец, особой заботой ряда зарубежных законодателей пользуется сфера продовольственной безопасности. Уже упоминавшийся УК Аргентины содержит отдельные составы, связан-

---

¹ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред. С.В. Максимова. СПб., 2002. С. 181.

² Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. Ю.В. Голика. СПб., 2003. С. 167–168.

³ Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилониса. СПб., 2003. С. 344–345.

ные с подделкой, продажей, распределением пищевых продуктов и воды.

Выборочный анализ УК стран дальнего зарубежья показал, что нередко законодатель признает в качестве группового объекта преступления питьевую воду и/или источники питьевой воды. Например, в главе XVI УК Кореи предусматриваются различные наказания, самым суровым из которых значатся каторжные работы за затруднение использования питьевой воды или системы ее доставки (ст. 192–193), вмешательство в систему доставки воды (ст. 195), а также за причинение смерти или вреда посредством смешивания питьевой воды и яда¹. Несколько составов, связанных с питьевой водой, ее безопасностью для большого круга людей имеет в своем арсенале УК Аргентины.

5. Для современной уголовно-правовой доктрины и практики расширена сфера «энергетических» явлений, способных считаться предметами преступного посягательства за счет привлечения в УК деликтов, сопряженных с атомной, ядерной и иной подобной энергией. Ранее при характеристике этапов развития отечественного законодательства мы упоминали об опыте российского уголовного закона по признанию в качестве объекта охраны электрической энергии. Для современных зарубежных уголовных законов свойственно регламентировать ответственность за деяния, сопряженные с новыми видами энергии. В частности, для УК ФРГ знакомы такие предметы преступного деяния, как ядерная энергия, энергия ионизирующего излучения. Предусматривается ответственность не только за создание опасности взрыва при использовании таких видов энергии, но и за злоупотребление ионизирующими лучами, а также их высвобождение (§ 309 и 311). Интерес вызывает и § 312, предусматривающий ответственность за изготовление ядерно-технической установки с допущением ошибки. Причем содержание диспозиции значительно шире наименования статьи. Наказуемой, помимо всего прочего, является поставка такой установки или предметов, предназначенных для ее сооружения или эксплуатации. Криминообразующим признаком выступает опасность здоровью или жизни человека или

---

¹ Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. А.И. Коробеева. СПб., 2004. С. 137–139.

чужим предметам, связанная с воздействием процесса ядерного расщепления или излучением радиоактивного вещества¹.

УК Республики Болгария среди общеопасных преступлений (гл. 11) аккумулирует в разделе V преступления, совершенные при использовании атомной энергии в мирных целях. Характерными чертами данной группы преступлений выступают: наличие как общего, так и специального (должностное лицо) субъекта деяния; присутствие зачастую двойной формы вины деятеля; вычленение ряда составов опасности (ст. 356з)².

Интересно, что уголовное законодательство Японии, несмотря на развитие и широкое применение ядерной энергии, не содержит специальных норм, направленных на обеспечение безопасности в данной сфере.

В заключение рассмотрим, как регламентируется в зарубежном законодательстве проблема транспортных преступлений.

В уголовном законодательстве стран СНГ наблюдаются сходные подходы к данному вопросу. Как правило, транспортные преступления выделены в самостоятельную главу, количество же норм, определяющих ответственность в данной сфере, различно, в зависимости от большей или меньшей степени казуистичности проработки правовых вопросов. Так, в УК Республики Азербайджан (гл. 29) предусмотрено всего 9 статей, а в УК Республики Беларусь – 13. В некоторых других странах нормы об ответственности за транспортные преступления в силу их малочисленности не выделены в отдельные главы или разделы. Примерами этому могут служить УК Китая, Австрии и др. УК Дании, Голландии, Австрии слишком, на наш взгляд, лаконично подошли к регламентации рассматриваемого вопроса, аккумулировав в одной статье нормы об ответственности как лиц, непосредственно управлявших транспортными средствами, так и иных лиц, задействованных в обслуживании транспортной инфраструктуры.

Таким образом, круг уголовно наказуемых транспортных преступлений в разных странах определяется по-разному: в ряде стран он чрезвычайно сужен и сведен к 2–3 нормам, в которых в

---

¹ Уголовный кодекс ФРГ / науч. ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2003. С. 466–467.

² Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова. СПб., 2001. С. 255–258.

одной статье предусмотрена ответственность как лиц, управляющих транспортным средством, так и иных лиц.

Составы преступлений, связанных с транспортной безопасностью, в большинстве УК стран СНГ сходны с аналогичными в УК РФ, однако во многих источниках не декриминализовано оставление места ДТП (ст. 264 УК Республики Азербайджан, ст. 244 УК Республики Армения, ст. 266 УК Республики Молдова). Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что практически во всех УК стран СНГ наступление ответственности за нарушение требований транспортной безопасности связано не только с наступлением тяжкого вреда здоровью, но и в случае причинения вреда здоровью средней тяжести (например, УК Молдовы) или «менее тяжкого вреда здоровью» (УК Азербайджана, Беларуси, Киргизии). Ряд государств формирует составы транспортных преступлений как составы посягательства в опасность (УК Австрии, Болгарии, Германии, Швейцарии).

В качестве квалифицирующих обстоятельств в зарубежных источниках обычно выступают смерть потерпевшего и наступление иных тяжких последствий. А вот по поводу состояния опьянения отмечаются различные подходы. Так, данное обстоятельство может рассматриваться в качестве квалифицирующего в преступлениях, связанных с управлением транспортными средствами, как, например, сделано в ст. 263-1 УК Республики Азербайджан. Есть примеры и выделения самостоятельных составов: ст. 317.1 УК Республики Беларусь, ст. 264.1 УК Республики Молдова, ст. 379 УК Испании, ст. 262 УК Латвии, ст. 343в УК Болгарии, ст. 178 УК Польши, ч. 1 § 315а, ч. 1 § 315с, ч. 1 § 316 УК ФРГ и др. В УК Армении, наряду со специальным составом передачи транспортного средства в управление лицу, находящемуся в состоянии опьянения (ст. 243), в числе общих отягчающих обстоятельств также названо совершение преступления под воздействием алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ (п. 14 ст. 63). В УК Украины аналогичное обстоятельство представлено лишь в качестве отягчающего (п. 13 ч. 1 ст. 67).

Особый интерес при анализе зарубежного законодательства у нас вызвали нормы, закрепляющие неведомый для отечественного уголовного права состав преступления, где в качестве

основного криминообразующего признака выступает невыполнение обязанным субъектом требований по обеспечению надлежащего состояния дорог и иных объектов транспортной инфраструктуры, ставящее под угрозу безопасность движения. Данное деяние, к примеру, предусмотрено в УК Республики Беларусь, Узбекистана. Более широко вопрос о субъекте преступления рассмотрен в украинском уголовном законодательстве, где в ст. 288 УК говорится о «лице, ответственном за строительство, реконструкцию, ремонт». Подобным же образом регламентирует данный вопрос УК Испании (ст. 382) и УК Литвы (ч. 1 ст. 278). Необходимо отметить, что понятие безопасности дорог в каждом государстве определяется своими внутренними техническими нормами и стандартами. Однако совершенно очевидно, что от данного фактора, а также от технической исправности транспорта во многом зависит уровень аварийности и криминогенная обстановка на дорогах. Так, во Франции и США повышение требований безопасности к состоянию дорог и самим транспортным средствам позволило снизить количество ДТП с причинением вреда здоровью и гибели людей более чем в 2 раза.

Отмечаются различные оценки и подходы к размещению в текстах УК состава причинения смерти или вреда здоровью вследствие ненадлежащего управления транспортным средством. Например, в ст. 5/9-3 УК штата Иллинойс (США) практически одинаково оценивается простое неумышленное убийство, заключающееся в совершении действий, способных по своей объективной характеристике причинить кому-либо смерть или тяжкое телесное повреждение, с иными «опробитыми» действиями, такими как автовождение с нарушением специальных правил. И то и другое отнесено к фелониям 3-го класса, наказуемым тюремным заключением. Квалифицирующими обстоятельствами во втором случае выступает алкогольное или наркотическое опьянение и санкции повышаются более чем в три раза. Для сравнения: по законодательству штата Калифорния причинение смерти в результате нарушения правил дорожного движения относится к самостоятельному виду простого убийства (ст. 192).

УК Республики Беларусь относит причинение вреда здоровью и смерти при нарушении правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств к деяниям против безопасности

движения и эксплуатации транспорта по признакам основного объекта (ст. 317). Случаи совершения данного деяния под воздействием любых одурманивающих веществ выделены в квалифицированный состав (ст. 317.1). Аналогичным образом решен вопрос и в других странах СНГ.

Зарубежному законодательству известны самостоятельные составы преступлений, устанавливающих ответственность за незаконное использование знаков идентификации транспортных средств (ст. 265 УК Латвии, ст. 290 УК Украины, ст. 344, 345, 345а УК Болгарии, ст. 166 УК Голландии). Данное деяние не связано напрямую с вопросами безопасности, однако раскрытие этих преступлений позволяет правильно установить виновников ДТП, если в них участвовали транспортные средства с фальсифицированными знаками идентификации.

Таким образом, анализ производственных технологий, нашедших отражение в зарубежном законодательстве, привел нас к следующим выводам:

- законодатели практически всех стран обеспокоены развитием промышленности и иных технологических объектов, которые включают в себе повышенные эксплуатационные риски;

- данные риски могут быть связаны как с нарушением технологических процессов, так и с халатным отношением к исполнению профессиональных обязанностей обслуживающим персоналом и управленческим звеном, что находит свое отражение в особенностях конструкций составов преступлений;

- зарубежное законодательство, учитывая особенности производственных процессов, признает концепцию неосторожного сопричинения вреда и уголовной ответственности юридических лиц, что возможно использовать при совершенствовании российского уголовного закона;

- самостоятельный блок проблем, связанных с реализацией производственных технологий, составляют экологические преступления, и здесь вполне разумным и логичным считаем использование некоторыми странами административной преюдиции, что позволяет экономить меры уголовной репрессии;

- некоторый опыт зарубежных стран в регламентации ответственности за транспортные преступления может оказаться полезным в плане совершенствования российского уголовного

права, однако ряд деяний, которые до сих пор наличествуют в уголовных кодексах как стран СНГ, так и других стран, в отечественном законодательстве был декриминализован.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие основные тенденции в развитии зарубежного уголовного законодательства можно выделить в связи с развитием научно-технического прогресса?

2. Какие проблемы в наибольшей степени обращают на себя внимание зарубежного законодателя?

3. Как реализуется концепция неосторожного сопричинения в зарубежном уголовном праве?

4. Как регламентирован вопрос об уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве зарубежных стран?

5. Имеются ли какие-то кардинальные различия в подходах к установлению уголовных запретов, охраняющих общественные отношения в производственной сфере, в странах, принадлежащих к различным правовым системам?

6. Приведите отдельные примеры положительного опыта зарубежных стран по уголовно-правовой защите производственной сферы, которые можно было бы взять на вооружение Российской Федерации.

4. Общая характеристика преступлений в производственной сфере

Для современного производства характерно существенное увеличение численности автоматизированных рабочих мест, наращивание производственных мощностей, появление новых наукоемких технологий. Коллективный труд приобретает новые черты, он все чаще связан с обслуживанием сложных механизированных и информационных систем, требует от субъектов, задействованных в производственной сфере, повышенного внима-

ния и четких слаженных действий¹. Слишком часто человек полагается на исправность компьютеров, управляющих технологическими процессами. В таких условиях все острее встают проблемы обеспечения техногенной безопасности, которая наряду с иными аспектами безопасности выступает как необходимый фактор выживания и благоприятного существования человечества. Сегодня все чаще говорят об угрозах не только локального, но и планетарного масштаба.

В числе детерминант техногенных аварий и катастроф на первое место выходит пресловутый человеческий фактор, выражающийся в пренебрежительном, самонадеянном отношении граждан и должностных лиц к исполнению обязанностей по соблюдению техники обслуживания и правил эксплуатации различных источников повышенной опасности². Имеет место и нарушение технологической дисциплины, требований, вытекающих из проектно-сметной документации при проведении ремонтно-восстановительных работ, особых правил поведения на предприятиях атомной энергетики, химической промышленности, транспорте, объектах вредного производства и т. п. Однако и влияние объективных причин отрицать нельзя. Пример тому кризисные процессы в экономике, обусловившие низкий уровень организации техники безопасности на производственных предприятиях и несвоевременное проведение модернизационных мероприятий³.

Производственные технологии предполагают использование техники в смысле различного рода механизмов, оборудования, процессов. Государство и мировое сообщество серьезно озабочено проблемами их наступления на естественную природную среду, поэтому неслучайно отнесение соответствующих преступлений в данной сфере к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка⁴.

---

¹ См.: Васильев А.И. Проблемы социальной и уголовно-правовой оценки преступлений техногенного характера. М., 1998. С. 10.

² См.: Евдокимов А.А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России. М., 2012. С. 3.

³ См.: Лисицина Е.В. Теория и практика административно-правового обеспечения техногенной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 4.

⁴ См. об этом подробнее: Козаев Н.Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства). М., 2015. 224 с.

Уголовно наказуемые деяния в сфере производства, предусмотренные в УК РФ, достаточно разнообразны, несмотря на общность ряда признаков. Соответствующие составы преступлений мы находим в гл. 24–27 УК РФ, сконцентрированных в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Посмотрим, какое место занимают данные деяния в общей структуре преступности.

Показатели экологической преступности в России существенным образом изменились за последнее десятилетие. Так, в 1991 г. количество зарегистрированных экологических преступлений составило всего 3 097¹, а уже в 2017 г. – 24 379. При этом удельный вес этих деяний в общей структуре преступности возрос всего в три раза. Это объясняется общим спадом производства в 90-е гг. Однако уже начало XXI в. ознаменовалось экономическим бумом, сведя на нет улучшение состояния окружающей среды².

Среди экологических преступлений преобладают деяния, которые могут быть названы общим собирательным термином «незаконный промысел» (незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), незаконная охота (ст. 258 УК РФ), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ). Совсем небольшую долю занимают преступления, связанные с ухудшением качественных характеристик природных объектов: почв, атмосферы, вод (ст. 250–255 УК РФ). Однако полагаем, что это является следствием высокой латентности данных деяний.

Количество преступлений, связанных с производством и культивированием наркотиков, представляется довольно внушительным. В России только с 1995 по 2015 г. число лиц, потребляющих наркотики, увеличилось более чем в 12 раз. При этом количество официально зарегистрированных потребителей наркотиков по состоянию на 1 января 2015 г. составило более 800 тыс. человек (рост на 9,8% по сравнению с данными 1 января 2010 г.), или 474,82 на 100 тыс. граждан страны. При этом диагноз «наркомания» поставлен 457 491 лицу (332,3 на 100 тыс. человек населе-

---

¹ См.: Герасимов И.В. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика экологической преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 18 с.

² См.: Белозерова С.С., Кузнецова О.Б. Экологические преступления // ЭКО-бюллетень ИнЭКА. 2004. № 5 (100). С. 22–25.

ния) при росте на 8,2% по сравнению с 2010 г.¹ Следует отметить, что за истекшие три года ситуация не улучшилась.

Деяний, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, составляющих ядро всех преступлений в транспортной сфере, в 2016 г. было совершено 22 013 тыс., в 2017 г. – 21 007 тыс.

Преступления, предусмотренные ст. 215, 215¹, 215², 215³, 216, 217, 217¹, 217², 218, связанные с нарушением правил безопасности на отдельных промышленных объектах в статистической совокупности преступлений не занимают значительной доли, хотя это объясняется не тем, что они совершаются редко, а тем, что данные деяния обладают высокой латентностью.

Все рассматриваемые преступления имеют общий родовый объект, но различные видовые и непосредственные объекты посягательств. Отсюда классификация данных деяний может быть построена на основании дифференциации видовых объектов и в дальнейшем подразделяется в зависимости от ключевых признаков объективной и субъективной сторон преступлений.

1. Преступления против общественной безопасности:

а) деяния, связанные с нарушением правил и требований безопасности на производственных объектах (ст. 215, 215³, 216, 217, 219 УК РФ);

б) деяния, состоящие в умышленных действиях по нарушению целостности и нормальной работы промышленных объектов, в том числе объектов жизнеобеспечения (ст. 215¹, 215², 215⁴, 217¹, 217² УК РФ);

в) деяния, связанные с нарушением правил обращения с особо опасными веществами, материалами и изделиями (ст. 218, 220 УК РФ).

2. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности:

а) преступления, связанные с незаконным оборотом (производством, культивированием, переработкой) наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их

---

¹ См.: Криминология: учеб. для аспирантов / под ред. И.М. Мацкевича. М., 2017. С. 225.

частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сильнодействующих или ядовитых веществ, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 228, 228¹, 228², 228³, 228⁴, 231, 234, 234¹ УК РФ);

б) деяния, связанные с незаконной деятельностью в сфере медицинской и фармакологической деятельности, изготовления и обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок (ст. 235, 235¹, 238¹ УК РФ);

в) деяния, связанные с нарушением безопасности потребительского рынка (ст. 238 УК РФ);

г) деяния, связанные с производством продукции порнографического содержания (ст. 242, 242¹ УК РФ).

3. Экологические преступления, связанные с производственными технологиями:

а) деяния, выражающиеся в нарушении специальных правил, влекущие вред окружающей природной среде, жизни и здоровью человека, гибель животных либо создающие угрозу наступления данных последствий (ст. 246, 247, 248, 249, ч. 1 ст. 253, 255, 257, 259, 262 УК РФ);

б) деяния, выражающиеся в фактическом ухудшении качества природных ресурсов (загрязнение, истощение и др.) (ст. 250, 251, 252, 254 УК РФ);

в) деяния, заключающиеся в нарушении правил добычи и разработки природных ресурсов (ч. 2 ст. 253, 256, 258, 258¹, 260 УК РФ);

г) деяния, связанные с неосторожным обращением с источниками повышенной опасности (ст. 261 УК РФ).

4. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта:

а) деяния, связанные с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 263, 264, 264¹, 267¹, 268, 270, 271, 271¹ УК РФ);

б) деяния, связанные с некачественным строительством, обслуживанием и ремонтом транспортных средств и инфраструктуры (ст. 266, 269 УК РФ);

в) деяния, заключающиеся в приведении в негодность транспорта и транспортной инфраструктуры (ст. 267 УК РФ).

Данные преступления выделяются из общей совокупности уголовно наказуемых деяний по двум критериям: совершение их в производственной сфере и взаимосвязь с научно-техническим прогрессом. Уголовное право предоставляет защиту личности, обществу и государству от угроз в связи с нарушениями специальных правил безопасности ведения определенных видов работ или деятельности, обращения с общеопасными материалами, веществами и изделиями. Охрана предоставляется здоровью населения, комплексным отношениям по рациональному природопользованию, сохранению качественно благоприятной для человека и иных живых существ природной среды и обеспечению экологической безопасности населения, а также транспортной безопасности. В качестве непосредственных объектов данных преступлений выступают: состояние защищенности личности, общества и государства от конкретной угрозы (пожара, взрыва, радиационного облучения, загрязнения) (деяния гл. 24 УК РФ); здоровье населения в конкретной сфере (обеспечения нормальной среды обитания, препятствующей массовым заболеваниям и отравлениям людей, оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также технологических операций с ними, оборота сильнодействующих или ядовитых веществ (деяния гл. 25 УК РФ); конкретные общественные отношения по охране и рациональному использованию отдельных видов природных богатств (деяния гл. 26 УК РФ); защищенность личности, общества и государства от угроз в связи с эксплуатацией отдельных видов транспорта и транспортного оборудования и коммуникаций (деяния гл. 27 УК РФ).

Из изложенного следует, что перечень преступлений, совершаемых в сфере применения производственных технологий, весьма обширен. Рассмотрим прежде всего те деяния, которые связаны с массовым производством.

Объективная сторона данных деяний может быть выполнена либо только путем действия (например, ст. 215¹, 215² УК РФ), либо как действия, так и бездействия (например, ст. 216, 219, 246, 247, 263, 264, 267 УК РФ), либо только путем бездействия (например ст. 224, 270 УК РФ).

Традиционно к числу обязательных признаков объективной стороны относят преступные последствия. И в связи с этим нельзя

не обратиться к дискуссии о делении составов преступлений на материальные, формальные и усеченные. В основе этой дискуссии лежит разграничение таких смежных понятий, как «последствия», «преступный результат», «вред», «ущерб», «урон», «убыток». Чаще других сравнивают термины «преступный вред» и «преступные последствия», довольно часто их используют как синонимы. Однако вслед за В.Б. Малининым, А.Ф. Парфеновым и Р. Шараповым¹ считаем это ошибочным, хотя сам законодатель дает повод думать иначе, но только в смысле узкого подхода к понятию «преступные последствия». В узком смысле преступные последствия представляют собой неблагоприятные изменения в объекте уголовно-правовой охраны, которые описаны в соответствующей статье УК РФ². Однако нам ближе широкая трактовка данного термина, согласно которой преступные последствия – это любые изменения в общественных отношениях, охраняемых уголовным правом, которые неизбежно возникают при выполнении объективной стороны преступления. Так, к примеру, А.С. Михлин говорит о том, что общественно опасными не могут быть признаны действия, которые не причиняют и не могут причинить никаких последствий³.

С этих позиций объяснимо выглядят составы преступлений, сконструированные по модели создания угрозы наступления реального вреда. В.Н. Кудрявцев справедливо отмечает, что для привлечения виновного к ответственности требуется доказать, что в той фактической обстановке, которая имела место во время совершения преступления, действие (бездействие) этого лица создавало действительную опасность причинения преступных последствий⁴.

Термин «преступные последствия» охватывает гораздо больший спектр явлений, нежели понятие «реальный вред». Бо-

---

¹ Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 84–85; Шарапов Р. Классификация составов на формальные и материальные: миф или реальность? // Уголовное право. 2000. № 3. С. 53–54.

² См.: Иванчин А.В. К вопросу о делении составов преступлений на формальные и материальные // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России: сб. науч. ст. / под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2005. С. 30.

³ Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969. С. 28.

⁴ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 175–176.

лее наглядно и комплексно данную проблему можно рассмотреть, если обосновать ее с точки зрения науки криминологии, которая изучает не только изменения, происходящие в непосредственном объекте преступного посягательства, но и исследует системно-структурные синергетические взаимосвязи преступления с различными сферами общественной жизни. Иными словами, криминологи предпочитают оперировать термином «цена преступности».

На основе изложенного перейдем от научных дискуссий к анализу конструкций конкретных составов преступлений, связанных со сферой производства.

Итак, большинство из них сконструированы как материальные, предполагающие реальное наступление вреда в определенной степени выраженности (ч. 2, 3 ст. 215, 215¹, 215², 217, 218, 219, ч. 2, 3 ст. 220, 228², ч. 4 ст. 234, 235, 246, ч. 2, 3 ст. 247, 248, 249, 250, 251, ч. 2, 3 ст. 252, 254, 255, п. «а» ч. 1 ст. 256, 257, п. «а» ч. 1 ст. 258, ст. 259, 260, 261–264, 266–269 УК РФ). Для ввода в действие уголовно-правовой нормы охранительного типа важно реальное наступление последствий в виде причинения вреда (в отдельных случаях исключительно тяжкого) здоровью или смерти человека, либо причинения крупного ущерба, либо радиоактивного заражения окружающей среды или существенного изменения радиоактивного фона, либо разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное для эксплуатации состояние объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства или других объектов жизнеобеспечения, либо массового заболевания или отравления людей, либо массовой гибели животных, либо распространения эпидемий или эпизоотий, либо массовой гибели рыбы или других водных биологических ресурсов, уничтожения в значительных размерах кормовых запасов; либо иных тяжких последствий. Здесь мы наблюдаем как использование указания на вполне конкретные виды вреда, описанные казуистичным способом, так и применение абстрактного приема с использованием оценочного понятия «иные тяжкие последствия».

Помимо материальных составов, довольно большое место занимают формальные (ч. 1 ст. 220, 223, 228, 228¹, 231, ч. 1–3 ст. 234, ч. 1 ст. 238, 253, 254, п. «б»–«г» ч. 1, ч. 2, 3 ст. 256, п. «б»–«г» ч. 1, ч. 2 ст. 258, 270, 271). Степень их общественной

опасности, заслуживающая установления уголовно-правового запрета, оценивается законодателем вне зависимости от реального наступления какого-либо вреда.

По нашему мнению, от формальных составов следует отличать так называемые «составы угрозы» (ч. 1 ст. 215, ч. 1 ст. 247 УК РФ), или «деликты создания опасности»¹, «усеченные составы»². В отличие от формальных эти составы характеризуются наличием не абстрактной, а реальной угрозы наступления последствий, указанных в статье Особенной части УК РФ. Примером этому может служить следующая конструкция: «если это могло повлечь смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среды».

Особый интерес представляют диспозиции статей, совмещающие в себе признаки и материального состава, и состава угрозы, однако их сравнительно мало: нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах, если это могло повлечь смерть человека, либо повлекло причинение крупного ущерба (ч. 1 ст. 217 УК РФ); ненадлежащее исполнение обязанностей по охране ядерного, химического или других видов оружия массового поражения либо материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, если это повлекло тяжкие последствия либо создало угрозу их наступления (ч. 2 ст. 225 УК РФ).

Деликты создания опасности несут огромный превентивный потенциал и способны эффективно повысить степень ответственного поведения лиц, вовлеченных в различные производственно-технологические процессы. В основе отбора конкретных норм, которые следовало бы конструировать именно как формальные или составы угрозы, лежат категории «случайное» и «закономерное». Кроме того, эти составы разграничиваются с деликтами, за которые наступают иные виды юридической ответственности, по степени риска и в соответствии с оценкой возможных последствий.

---

¹ См.: Нерсесян В. Проблемы уголовной ответственности за неосторожные преступления в составах «поставления в опасность» // Уголовное право. 2000. № 4. С. 20–23; Церетели Т.В. Деликты создания опасности // Советское государство и право. 1970. № 8. С. 56–64.

² См.: Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 56.

При этом наступление реального вреда должно являться логичным и закономерным последствием преступных действий (бездействия) субъекта при естественном развитии ситуации, а ненаступление вреда – лишь случайностью.

Существенной особенностью применения производственных технологий выступает использование коллективного труда, отсюда и коллективное использование средств производства, обслуживание технических систем, требующие слаженности и высокой координации в работе. Каждый из субъектов такого взаимодействия обычно несет ответственность за свой участок работы, однако, как показывают трагические примеры последних десятилетий, иногда роковые решения принимались коллективно либо катастрофа являлась результатом цепочки неосторожных действий ряда субъектов. Достаточно вспомнить катастрофу на Чернобыльской АЭС. Не то чтобы других резонансных трагедий в истории использования достижений научно-технического прогресса не было, просто это один из наиболее ярких примеров коллективной безалаберности в обращении со сверхопасными плодами человеческого гения. На сегодняшний день насчитывается более 110 различных объяснений причин аварии, однако научно обоснованных всего две. Согласно первой из них в ночь на 26 апреля 1986 г. персонал 4-го блока ЧАЭС в процессе подготовки и проведения электротехнических испытаний 6 раз грубо нарушил Регламент, т. е. правила безопасной эксплуатации реактора, которые гласили: «При снижении оперативного запаса реактивности до 15 стержней реактор должен быть немедленно заглушен». Вопреки этому из активной зоны было выведено 96% управляющих стержней, при этом на тот момент были отключены почти все средства аварийной защиты, что также было строго воспрещено Регламентом. В результате этого в реакторе началась неуправляемая цепная реакция, которая закончилась тепловым взрывом. Кроме того, комиссией отмечались «небрежность в управлении реакторной установкой», недостаточное понимание «персоналом особенностей протекания технологических процессов в ядерном реакторе» и потеря персоналом «чувства опасности», конструкционные недоработки, которые повлияли на без-

опасность при нарушении правил эксплуатации¹. Вторая версия причин катастрофы, выдвинутая государственной комиссией, образованной Госатомнадзором, базировалась на промахах проектировщиков и сводилась к тому, что у реактора 4-го блока имелись некоторые «конструкционные недостатки»².

Кроме того, в последнее десятилетие внимание государства и общества обращено на безопасность в производственной деятельности, что напрямую связано не только с ростом преступлений в производственной сфере, но и увеличением количества катастроф техногенного характера, приводящих к серьезным последствиям, в числе которых и человеческие жертвы. Достаточно вспомнить трагедию в спортивно-развлекательном комплексе «Трансвааль-парк» в феврале 2004 г., аварию на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 г., пожар в клубе «Хромая лошадь» 5 декабря 2009 г., взрыв на шахте «Распадская» 9 мая 2010 г., пожар в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» 25–26 марта 2018 г. и др. Анализ причин показал, что они произошли вследствие нарушения требований безопасности при осуществлении соответствующих работ³.

Исходя из изложенного и других сходных примеров, речь может идти о множественности участников преступления, когда несколько лиц совершают по неосторожности одно преступное деяние либо причиняют единый преступный результат, что получило в специальной литературе название «неосторожное сопричинение»⁴. И здесь мы сталкиваемся с огромной брешью в законе, поскольку данное явление уголовным законом не регламентировано, а нормы ст. 32 УК РФ исключают наличие соучастия в преступлении, совершенном по неосторожности.

---

¹ См.: О причинах и обстоятельствах аварии на 4 блоке ЧАЭС 26 апреля 1986 г.: доклад ГПАН СССР. М., 1991; Авария на Чернобыльской АЭС и ее последствия: информация ГК АЭ СССР, подготовленная для совещания в МАГАТЭ (Вена, 25–29 авг. 1986 г.); Типовой технологический регламент по эксплуатации блоков АЭС с реактором РБМК-1000. НИКИЭТ // Отчет № 33/262982 от 28.09.1982. С. 52, 81.

² См.: О причинах и обстоятельствах аварии на 4 блоке ЧАЭС 26 апреля 1986 г.: доклад ГПАН СССР. М., 1991.

³ См.: Евдокимов А.А. Указ. соч. С. 3.

⁴ См.: Нерсесян В. Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 44.

Наибольшая активность в исследовании вопроса о неосторожном сопричинении наблюдалась в 60–80 гг. прошлого столетия¹. Связано это было с очередной волной НТП, особенно в 80-е гг. – время автоматизации и начала тотальной компьютеризации производства. Ряд работ напрямую был посвящен проблемам неосторожного сопричинения вреда в результате совершения преступлений в производственной сфере². Некоторыми учеными (А.Я. Вышинский, А.Н. Трайнин, М.Д. Шаргородский) также предпринимались попытки теоретического обоснования возможности неосторожного соучастия³, но данная идея не нашла поддержки у большинства представителей науки уголовного права, хотя фактически имела место в правоприменении. Необходимо отметить, что данный опыт был неудачным именно в силу отсутствия законодательной проработки. И это стало одной из основных причин того, что рассматриваемая концепция была отвергнута и предана забвению на долгие годы. Однако в последнее десятилетие указанная проблема опять привлекает к себе внимание⁴.

В. Нерсесян, развивая идею о неосторожном сопричинении, весьма четко и полно выделил его специфические черты: это единое преступление; в нем участвуют несколько субъектов ответственности; наличествует взаимосвязанный и взаимообусловленный характер поведения, повлекшего наступление результата; создается угроза наступления или наступает единое для всех

---

¹ См.: Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 11; Шаргородский М.Д. Вопросы Общей части уголовного права. Л., 1955. С. 142; Кузнецова Н., Кудрявцев В. Квалификация соучастия в преступлении // Советская юстиция. 1962. № 19. С. 14–17; Галиакбаров Р.Р. Неосторожное сопричинение как вид множественности участников // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью: межвуз. темат. сб. Владивосток, 1981. С. 28–34; Дагель П.С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. 1981. № 34. С. 28–38; Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение. 1960. № 1. С. 91–92.

² Гринберг М.С. Ответственность за преступную неосторожность при действии производственного коллектива // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 103–108; Харитонов И.Р. Неосторожное сопричинение в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1985.

³ Цит. по кн.: Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений. М., 1982. С. 12; Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение. 1960. № 1. С. 84; Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 120.

⁴ См., например: Курсаев А.В. Неосторожное сопричинение в российском уголовном праве. М., 2015. 280 с.

субъектов преступное последствие, предусмотренное конкретным составом; устанавливается наличие причинной связи между допустимым поведением субъектов и наступившим преступным результатом¹. Кроме того, следует согласиться с его мнением о необходимости закрепления института неосторожного сопричинения в Общей части УК РФ, с дифференциацией ответственности каждого из сопричинителей. При условии же введения в закон данного института представляется очевидной необходимость индивидуализации наказания, поскольку каждое лицо должно нести ответственность в пределах допущенных им нарушений и освобождаться от нее за малозначительный «вклад» в события, повлекшие тяжкий преступный результат.

Предшествующий анализ составов преступлений, связанных с производственными технологиями, наглядно показывает что многие из них так или иначе связаны с источниками повышенной опасности, понятие которых является достаточно разработанным в науке гражданского права, но крайне редко используется применительно к проблемам уголовного права. Определения данного феномена сводятся к перечислению отдельных признаков: 1) либо деятельность, либо свойства вещей и сил природы, либо предметы материального мира, имеющие особые специфические количественные и качественные состояния; 2) отсутствие и невозможность обеспечения непрерывного и всеобъемлющего контроля человека, вследствие чего – высокая степень вероятности причинения вреда². Исчерпывающий перечень источников повышенной опасности составить невозможно, поскольку в процессе развития технологий их круг постоянно расширяется. Вследствие этого вопрос об отнесении к источнику повышенной опасности того или иного объекта (деятельности) в отсутствие специальных правил по этому поводу должен решаться судом на основании заключений соответствующих экспертиз (технической, химической, радиационной и др.). К таковым, как правило, отно-

---

¹ Нерсесян В. Указ. соч. С. 44.

² См.: Вердников В.Г. Советское гражданское право. М., 1987. С. 396; Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и обязательства из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 132; Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 347; Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю. Материальная ответственность за повреждение здоровья. М., 1968. С. 48.

сят различные объекты промышленного и сельскохозяйственного производства, транспорт и транспортную инфраструктуру.

Для целей и нужд уголовно-правовой науки вполне пригодными являются цивилистические разработки, поскольку в рамках единой правовой системы и система правовых понятий должна быть единой, универсальной. Однако если рассмотреть позицию того же гражданского права в оценке ответственного поведения владельца источника повышенной опасности, то можно увидеть, что санкции к нему применяются даже без вины. Для уголовного же права наличие вины есть неременный элемент состава преступления, без которого уголовная ответственность не может быть реализована. Стало быть, субъектом преступления по любым «производственным» или «транспортным» преступлениям может быть лишь лицо, эксплуатирующее источник повышенной опасности, а также представители управленческого и контрольно-надзорного звена. Но не следует забывать, что у тех же гражданско-правовых отношений может быть и другая сторона, связанная, например, с исполнением условий договора. Так, за качество предоставляемых в пользование объектов ответственность несет их собственник именно при наличии вины. И уже здесь, в сравнительно-правовом аспекте, вырисовывается еще один пробел в уголовном праве, а именно отсутствие ответственности лица, который, будучи собственником, обязан был следить за надлежащим состоянием источника повышенной опасности, чтобы он был пригоден к безопасной эксплуатации, но не делал этого и не предупредил контрагента (арендатора) об имеющихся дефектах. В этих случаях речь идет уже о виновном причинении вреда, а поэтому можно обсуждать вопрос и об уголовной ответственности. В действительности же владелец (собственник) практически всегда остается в стороне, поскольку ответственность за текущий ремонт и допуск к каждому конкретному производственному циклу лежит, прежде всего, на эксплуатирующей организации. Считаем, что источники повышенной опасности, не отвечающие техническим требованиям безопасности, должны подлежать утилизации, а не сдаваться в аренду либо иным образом включаться в гражданский оборот. Конструирование отдельного материального по своему характеру состава в Уголовном кодексе РФ, предусматривающее ответственность собственников источников повы-

шенной опасности за предоставление в пользование технических средств и (или) оборудования, заведомо не отвечающих требованиям безопасности, позволило бы избежать многих трагедий, а в общесоциальном и экономическом плане привело бы к ограничению допуска на рынок услуг недобросовестных участников.

Современные технические средства передачи информации в совокупности с возможностью оформления взаимоотношений работодателя и наемных работников путем заключения гражданско-правового договора либо вообще без какого-либо оформления приводят к «обезличиванию» нанимающей стороны. Это обстоятельство используют преступники как способ ухода от ответственности с мотивировкой, что они, производя какие-либо работы, не осознавали незаконного характера совершаемых ими действий, поэтому их вина в содеянном исключается. Приведем такой пример. Некое лицо, условно назовем его «работодатель», желая оставаться инкогнито, нанимает по Интернету бригаду лесорубов и по электронной почте высылает копии документов, дающих право на вырубку. Расчет предполагается осуществить также в безналичной форме через банковское учреждение. И здесь возможны две ситуации. Первая ситуация: разрешение на вырубку и иная документация оформлены в установленном законом порядке, но по выполнении работ работодатель скрывается и, не выплатив обещанное вознаграждение, не выходит на связь. Вторая ситуация: работодатель представил подложные документы, сама вырубка незаконна, лесорубы получили вознаграждение, но были задержаны на месте работ. Вне зависимости от того, знали ли последние о незаконности работ, работодатель вновь в тени и выявить его достаточно проблематично.

Из анализа статей Особенной части УК РФ следует, что угроза безопасности обществу, государству и конкретной личности может исходить не только от «технических объектов», являющихся источниками повышенной опасности, но и самих людей, поведение которых носит деструктивный характер¹. Полагаем, что содержание общественной безопасности нельзя сводить только к соблюдению различных правил по производству специ-

---

¹ См.: Курс уголовного права: учеб. для вузов: в 5 т. Т. 4. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 172.

альных работ и обращению с общепасными предметами. Такой подход необоснованно ограничивал бы пределы общественной безопасности лишь сферой локальной или профессиональной деятельности, а ее содержание – специальной безопасностью. В Уголовном кодексе РФ предусмотрено несколько составов преступлений, где человек не просто нарушает установленные правила, но и активными действиями вполне осознанно способствует наступлению вредных последствий, а именно: прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ст. 215¹), приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215²), ряд экологических преступлений, таких как загрязнение вод (ст. 250), загрязнение атмосферы (ст. 251), загрязнение морской среды (ст. 252), порча земли (ст. 254), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256), незаконная охота (ст. 258), уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (ст. 259), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261), по крайней мере, одно деяние среди транспортных преступлений, выражающееся в приведении в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267).

Все указанные деяния имеют достаточно различные конструкции как основного, так и квалифицированного состава. Действительно, исходя лишь из их внешней схожести, привести их к единой модели вряд ли удалось бы, да это и нецелесообразно. Но, пожалуй, некоторые из них могли бы быть приведены к некоей единой схеме построения. Так, например, экологические преступления, в результате которых причиняется вред конкретным природным ресурсам (почве, атмосфере, водам, морской среде) могли бы в качестве основного состава иметь состав угрозы, а квалифицированный и особо квалифицированный составы могли бы быть дифференцированы в зависимости от характера и размера реального вреда, т. е. сконструированы уже как материальные составы. Квалифицированными составами, по нашему мнению, для всех данных деяний могли бы рассматриваться причинение вреда здоровью человека или массовая гибель биологических ре-

сурсов¹, равно совершение на территории заповедника или заказника либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации; особо квалифицированными – причинение смерти человеку по неосторожности. Разграничение преступлений от административных деликтов можно осуществлять, по нашему мнению, посредством оценки реальной угрозы наступления последствий, предусмотренных УК РФ. Технически это возможно сделать при обращении к социально-техническим нормам и регламентам. К примеру, если предельно допустимые концентрации ядовитых веществ в почве, водоеме, воздухе превышены настолько, что это при естественном развитии событий может вызвать причинение вреда здоровью человека, гибель флоры и фауны, если яд обладает мутагенным, тератогенным и другим подобным действием, пусть и в отдаленном периоде, речь следует вести об уголовно наказуемом деянии (т. е. достаточно было бы создания угрозы наступления таких последствий). Это могло бы поспособствовать более рачительному отношению к природным богатствам хозяйственников и промышленников.

В настоящее же время подавляющее большинство виновных лиц успешно избегают уголовной ответственности, поскольку в основном экологические преступления являются материальными, а доказать причинную связь между противоправными действиями этих лиц и наступившим вредом, который часто проявляется не сразу, дозированно либо скрыто, весьма проблематично. Во многих случаях крайне сложно определить конкретных пострадавших и действительные масштабы произошедшего, даже чисто экономический ущерб, как правило, установить не всегда возможно.

---

¹ Формулировка «существенный вред здоровью человека», использованный, к примеру, в ч. 2 ст. 252 УК РФ, не годится, так как уголовный закон оперирует тремя видами вреда здоровью человека (легкий, средней тяжести, тяжкий). Такую же позицию занял и Верховный Суд РФ в постановлении от 05.11.1998 № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения», где разъяснено, что причинение вреда здоровью человека в результате экологических правонарушений выражается в расстройстве здоровья, временной или постоянной утрате трудоспособности, причинении тяжкого, средней тяжести или легкого вреда одному или нескольким лицам (Российская газета. 1998. 24 нояб.). Считаем также целесообразным указать на более общий термин «биологические ресурсы», который охватывает все живые организмы, представляющие ценность для данной экосистемы (не только для человека!) и позволяет исключить ответственность за уничтожение «вредителей» (грызунов в ходе дератизации, насекомых в ходе дезинсекции, сорных растений).

Уровень латентности экологических преступлений, по различным экспертным оценкам, доходит до 90–95%. По результатам изучения судебной практики по делам об ответственности за экологические преступления в промышленности, полученным нами и другими учеными¹, как 5–10 лет назад, так и сейчас, наряду с крайне малой долей привлечения к ответственности виновных, около 90% этих лиц подвергаются мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Это, как правило, крупные штрафы².

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования уголовного закона, особенно в части защиты природных ресурсов, подвергаемых угрозам, связанным с применением производственных технологий. К основным проблемам правового регулирования необходимо отнести:

– слишком большое увлечение законодателя материальными составами в рассматриваемой сфере и, как следствие, убежденность большинства промышленников в безнаказанности за агрессивное воздействие на экосферу и хищническое отношение к природным ресурсам;

– отсутствие в уголовном законе норм о неосторожном сопричинении и об ответственности собственников источников повышенной опасности при предоставлении ими в пользование иным субъектам заведомо неисправного оборудования или иных технических средств;

– «обезличивание» участников производственных отношений посредством достижений технической мысли, приводящее, с одной стороны, к невозможности установить «заказчика» опасных и (или) противоправных работ, а с другой – к сложности в установлении субъективной стороны преступления в действиях исполнителей, связанных с информированием их о правомерности производимых технологических процессов;

– отсутствие единообразия законодательных подходов к конструированию сходных по своим криминообразующим при-

---

¹ См. например: Меркушов А.Е. О практике применения судами законодательства, предусматривающего ответственность за нарушение норм экологической безопасности // Бюл. Верховного Суда РФ. 1997. № 5. С. 20–24.

² См. подробнее: Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. 630 с.

знакам составов преступлений и недостаточная защищенность охраняемых уголовным законом объектов ввиду незначительного количества в гл. 24–27 УК РФ «составов угрозы».

Разумеется, в данном разделе затронута лишь малая часть проблем, порождаемых производственными технологиями, в основном внимание уделено тем из них, которые либо вообще не обсуждались, либо недостаточно освещены в специальной литературе.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте характеристику видовому, родовым и непосредственным объектам уголовно-правовой охраны при совершении преступлений в производственной сфере.

2. Что объединяет все рассматриваемые деяния?

3. Дайте общую характеристику объективной стороне преступлений, совершаемых в производственной сфере.

4. Как различаются преступления в производственной сфере по признакам преступных последствий? Существует ли какая-то единая модель конструирования рассматриваемых составов?

5. Какие признаки чаще всего выступают в качестве квалифицирующих в рассматриваемых составах преступлений? Почему именно они, по Вашему мнению, выделены законодателем в качестве таковых?

6. Охарактеризуйте субъекта преступлений в производственной сфере. В каких случаях важны признаки специального субъекта? Приведите примеры.

7. Охарактеризуйте субъективную сторону данных деяний. Каким образом может быть реализовано общее уголовно-правовое учение о вине в условиях коллективного труда и «общем вкладе» в совершение преступления по неосторожности по действующему законодательству?

5. Направления развития уголовного законодательства в сфере минимизации отрицательных последствий применения производственных технологий

Государственная политика в сфере обеспечения техногенной и промышленной безопасности не должна иметь декларативный характер, она должна включать вполне конкретные ориентиры развития законодательства, направленные на защиту жизни и здоровья граждан, окружающей природной среды и иных охраняемых правом благ и интересов от неблагоприятного воздействия последствий хозяйственной деятельности, аварий и катастроф. Одной из гарантий ее эффективности является установление и адекватное применение уголовной ответственности за злоупотребления при использовании достижений научно-технического прогресса¹. Этой идее корреспондирует ст. 42 Конституции РФ, в которой закреплено право граждан на благоприятную окружающую среду. Однако, как справедливо указывает А.И. Васильев, эти нормы не получили должного развития в отраслевом законодательстве. Особенно он акцентирует внимание на несовершенстве мер юридической защиты граждан от вредного воздействия техногенных факторов². Здесь наблюдается отставание правовой реакции и от социальных потребностей, и от мировых стандартов.

Между тем сегодня становится как никогда очевидным, что развитие научно-технической мысли обостряет вопросы преступности в различных сферах, а прогресс в производственном секторе тесно связан с вопросами экономической, военно-стратегической безопасности, а также с такими негативными социальными явлениями, как наркобизнес, злоупотребления на фармацевтическом рынке. В глобальном масштабе актуализируется проблема благополучия человека и его выживаемости как биологического вида, поэтому в настоящем разделе попытаемся на концептуальном и более конкретном уровнях наметить пути минимизации отрицательных последствий применения производственных технологий.

---

¹ Васильев А.И. Система национальной безопасности Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. С. 156.

² Там же. С. 162.

Современные техногенные факторы таят в себе гораздо большие угрозы, чем это имело место еще несколько десятилетий назад. Разумеется, отраслевое законодательство не оставляет этот факт без внимания и уголовное право тому не исключение. Поскольку большинство техногенных катастроф обусловлено физическим износом оборудования и механизмов, применением устаревших и не отвечающих современным требованиям безопасности технологий, повышение уголовно-правовых санкций за ряд соответствующих деяний, по нашему мнению, является сегодня единственным действенным средством воздействия на нерадивых хозяйственников. Более того, полагаем, что это может иметь и общесоциальный эффект, поскольку будет стимулировать промышленников к применению более экологичных инновационных технологий, активному взаимодействию с научным сообществом.

Хищническое отношение к природе и ее ресурсам породило другую крайность в выражении социальной позиции радикальными энвайронменталистами, а именно: неприятие какой-либо природоохранительной политики как неэффективной и научно-технического прогресса вообще; попытки различными методами устранить вредные для окружающей среды производства, технические средства и т. п. Подобные проявления в современной научной литературе описываются как «экологический экстремизм», «экоterrorism»¹, «экотаж» (экологический саботаж)². Сами борцы за торжество дикой природы отрицают насильственные методы, однако их акции носят очевидный противоправный характер – они поджигают здания, научные лаборатории, приводят в негодность технику и производственные объекты. К примеру, в США, где данные движения, возникнув в середине 80-х гг. прошлого века, имеют наибольший размах, ущерб от их действий, по оценкам специалистов, измеряется сотнями миллионов долларов. В России пока никто официально не подводил итоги деятельности «зеленых» экстремистов, однако такие акции уже отмечаются и приобретают все более массовый характер. Возникает вопрос о юридической квалификации действий таких лиц, которые пре-

---

¹ Rood Justin. Animal Rights Groups and Ecology Militants Make DHS Terrorist List. Right-Wing Vigilantes Omitted // Congressional Quarterly, 2005. 25 March.

² См.: Формэн Д. Основные принципы тактики экотажа // Экотаж. Руководство по радикальной пропаганде. Киев: КЭКЦ, 2002. 168 с.

следуют вроде бы благие цели, но избирают для их достижения абсолютно противоправные методы, которые могут подпадать под действие разноотраслевых норм о юридической ответственности. В ряде случаев их деяния обладают всеми признаками преступления, повышенной степенью общественной опасности, посягают на объекты, которым предоставлена уголовно-правовая охрана. Однако дать им адекватную правовую оценку с точки зрения имеющихся норм УК РФ не представляется возможным. Как правило, вопрос об учете особых мотивов совершения данных деяний вообще не ставится, а квалификация осуществляется чаще всего на основании ст. 167 (Умышленное уничтожение или повреждение имущества), ст. 168 (Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), ст. 213 (Хулиганство), ст. 118 (Причинение тяжкого вреда по неосторожности), ст. 125 (Оставление в опасности). Допускается также квалификация таких преступлений по ст. 205 (Террористический акт), ст. 215¹ (Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения), ст. 215² (Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения).

Конечно, действия экологов очень разнообразны и должны иметь различную правовую оценку. Нельзя одинаково оценивать, к примеру, выпуск на волю десятка лабораторных животных и посягательство на объекты атомной энергетики.

В России вопросы радикального эквайронментализма пока еще предметно не изучались. Обращение же к обобщениям, сделанным зарубежными учеными, показывает, что наиболее типичными действиями сторонников данного движения выступают различные активные действия, иногда носящие общепропагандистский характер, связанные с уничтожением или порчей имущества, объектов производственной инфраструктуры путем поджога, взрыва, поломки техники и оборудования, вмешательства в нормальный ход производственных процессов, что создает угрозу их безопасности, может спровоцировать технологические сбои, ошибки в работе обслуживающего персонала. А самое главное и парадоксальное, что такие акции могут вызвать экологическую катастрофу и гибель людей.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Действительно, в большинстве случаев «зелеными» радикалами дви-

жут благие намерения. Однако взгляд на данную проблему под другим углом позволяет выявить и иную подоплеку совершаемых деяний. К примеру, воспрепятствование освоению новых территорий, континентального шельфа в целях разработки новых месторождений нефти может быть инициировано политическими и экономическими оппонентами, что представляет значительную угрозу национальным интересам России, поскольку экспорт углеводородов – это гарантия бюджетного благополучия нашей страны.

Анализируя различные акции «зеленых», считаем целесообразным ввести в УК РФ самостоятельный состав преступления, охватывающий своей объективной стороной весь комплекс общественно опасных действий, имеющих в арсенале радикальных защитников окружающей среды; кроме того, необходимо сделать указание на цель и мотивы совершения подобных деяний. Именно эти факторы, отличающиеся уникальностью в сравнении со смежными составами (например, ст. 167, 205, 213, 215², 227, 280 УК РФ), и позволили нам сделать вывод о необходимости дифференциации ответственности лиц, руководствующихся в большинстве своем благими соображениями, но избирающими для этого совершенно недопустимые средства. Полагаем, что за основу формирования нового состава следовало бы взять конструкцию состава терроризма (ст. 205 УК РФ) и закрепить его в ст. 207¹ под заголовком «Совершение экологического террористического акта». В первую часть предлагаемой статьи следует поместить основные признаки объективной стороны, например совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях изменения экологической и научно-технической политики и деятельности государства и негосударственных организаций, а также угрозу совершения указанных действий в тех же целях. Такое деяние, на наш взгляд, может быть отнесено к преступлениям средней тяжести. Среди квалифицирующих признаков целесообразно выделять: совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; причинение по неосторожности смерти человека; наступление значительного имущественного ущерба либо иных тяжких последствий. При наличии данных признаков уже следует говорить о повышении

категории преступления (тяжкое преступление). Кроме того, некоторые объекты производственной сферы представляют собой повышенную производственную опасность и отсюда посягательства на них или вмешательства в их деятельность могут повлечь гораздо более серьезные последствия. Это объекты использования атомной энергии либо объекты, где используются ядерные материалы, радиоактивные вещества или источники радиоактивного излучения, предприятия, на которых используются или хранятся ядовитые, отравляющие, токсичные, опасные химические или биологические вещества. В связи с этим признаки данных объектов (путем их перечисления) необходимо положить в основу особо квалифицированного состава. В качестве особо квалифицирующего признака следовало бы рассматривать причинение смерти человеку. При наличии указанных признаков деяние должно быть отнесено к категории особо тяжких. Возможно также формирование особого основания освобождения от уголовной ответственности в примечании к предлагаемой новелле, заключающееся в добровольном отказе лица, участвовавшего в подготовке экологического террористического акта, от его реализации, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления экологического террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления. Таким образом возможно стимулировать субъекта готовящегося преступления к позитивному поведению и предотвращению возможных вредных последствий.

В обоснование своей позиции добавим, что введение данной статьи позволит объективно оценивать деятельность экологических активистов, перешедших грань уголовно-правового запрета, и в то же время защищать правомерную деятельность «зеленых» от произвольного привлечения их к уголовной ответственности. Использование при формировании предлагаемой статьи правовой модели состава терроризма (ст. 205 УК РФ) подчеркивает, во-первых, однородность основного объекта уголовно-правовой охраны, а также сходство способов совершения преступлений и возможных правовых последствий. «Извинительные» мотивы совершения экологического терроризма позволили нам предложить гораздо более мягкие санкции по сравнению с базовым составом.

Конечно, можно возразить, что в описанных выше ситуациях можно было бы применять нормы ст. 205 УК РФ, но, возвращаясь к уже обозначенным нами доводам, хотелось бы акцентировать внимание еще раз на различных целях обычных и экологических террористов. Предлагаемый новый специальный состав преступления снизит уровень максимального наказания на одну ступень по сравнению с базовым составом, что представляется справедливым. Тем самым имманентно заложили в нем условия дифференциации уголовной ответственности.

Продолжая разговор о защите производственных объектов от террористической угрозы, нельзя обойти стороной и вопрос о совершенствовании самого базового состава терроризма. Так, в ч. 3 ст. 205 УК РФ упоминается лишь об объектах использования атомной энергии, которым предоставлена повышенная уголовно-правовая охрана. Тем не менее, имеются и иные производственные объекты, представляющие повышенную опасность в плане применяемых на них технологий. Считаем необходимым дополнить данную часть указанием и на иные высокорисковые объекты (химические предприятия, предприятия по добыче и переработке нефти и газа и т. п.).

Проблема рисков отдельных секторов производства требовала предоставления отдельной защиты. И здесь представляется уместным напомнить об установлении уголовно-правовых запретов в сфере функционирования топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Эта проблема начинает все чаще обсуждаться на различных научных конференциях и симпозиумах, посвященных вопросам безопасности. Особую обеспокоенность вызывает то, что подобные объекты становятся предметом интереса террористических организаций. В связи с этим актуальны вопросы о состоянии инженерно-технических средств защиты, информационной безопасности энергообъектов, а также подготовки обслуживающего персонала. Необходимо отметить, что территории рядом с некоторыми объектами ТЭК активно застраиваются жилыми домами, что может повысить интерес террористов в плане причинения большего количества жертв при совершении теракта или диверсии; вблизи гидротехнических сооружений, например плотин, расположены объекты транспортной инфраструктуры, что не позволяет обеспечить безопасность. Одной из насущ-

ных проблем является уязвимость компьютерных баз данных энергетических компаний, о чем свидетельствуют участвовавшие хакерские атаки на них.

Кроме того, среди причин недостаточного уровня безопасности ТЭК отмечены значительные пробелы в законодательстве. Так, в Федеральном законе «О континентальном шельфе Российской Федерации»¹ предусмотрена ответственность за нарушение границ охраняемой зоны безопасности на расстоянии 500 м вокруг объектов, размещенных на континентальном шельфе. Однако не определен государственный орган, имеющий полномочия установить такую зону.

Учитывая значимость и высокорисковый характер ТЭК, Федеральным законом от 21 июля 2011 г. № 257-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»² УК РФ был дополнен ст. 217¹ (Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса), которая была направлена, во-первых, на усиление безопасности социально значимых объектов, прежде всего от террористических актов, а во-вторых, на обеспечение безопасного функционирования объектов топливно-энергетического комплекса РФ и охрану интересов личности, общества и государства в указанной сфере от актов незаконного вмешательства³.

Рассматривая данный состав преступления, отметим, что непосредственным объектом данного преступления являются безопасность и антитеррористическая защищенность объектов ТЭК, при этом дополнительными объектами выступают здоровье человека и собственность (ч. 1), жизнь человека (ч. 2 и 3). Уместно напомнить, что в качестве факультативных объектов может выступать экономическая, промышленная и экологическая безопасность.

---

¹ О континентальном шельфе Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ // Рос. газ. 1995. 7 дек.

² См.: Собр. законодательства РФ. 2011. № 30 (ч.1), ст. 4605.

³ Закамолдин Р.В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами. М., 2017. С. 106.

Предметом рассматриваемого состава являются объекты ТЭК России.

Объективная сторона данного состава преступления характеризуется:

- деянием (нарушением специальных требований);
- последствиями (тяжким вредом здоровью человека или крупным ущербом – свыше одного миллиона рублей);
- причинно-следственной связью между деянием и последствиями.

Диспозиция рассматриваемой статьи бланкетная, а состав по конструкции материальный, поскольку предусматривает в качестве обязательного признака наступление указанных общественно опасных последствий. Момент окончания данного состава преступления связывается с наступлением одного из указанных в диспозиции статьи последствий.

Субъективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется смешанной формой вины: умысел (прямой или косвенный) или неосторожность (легкомыслие или небрежность) по отношению к деянию, а по отношению к последствиям – только неосторожность (легкомыслие или небрежность). В целом же преступление неосторожное.

Субъектом данного состава преступления является специальное лицо, на которое возложены обязанности соблюдать соответствующие специальные правила по обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности объектов ТЭК.

В плане развития уголовной политики в сфере защиты производственных отношений и экологического правопорядка, тесно связанного с эффективным и безопасным применением производственных технологий, очевидна целесообразность увеличения в уголовном законе составов создания опасности или формальных составов. Это может быть рельефно показано на примере «экологических» преступлений. На сегодняшний день подавляющее число виновных лиц успешно избегает уголовной ответственности, поскольку большинство составов данных деяний являются материальными, а доказать причинную связь между противоправными действиями этих лиц и наступившим вредом, который часто проявляется не сразу, дозированно либо скрыто, весьма сложно. Во многих случаях крайне сложно определить

конкретных пострадавших и действительные масштабы произошедшего. Экономический ущерб хотя и рассчитывается на основании специально разработанных нормативов, такс и т. д., однако на деле оказывается весьма ощутимым, если учитывать комплексное влияние техногенных факторов.

Экологические преступления традиционно относятся к числу высоколатентных. Статистическому учету подвергаются лишь те последствия, которые наступают незамедлительно после совершения преступления: материальный ущерб, количество погибших и лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью, т.е. лишь криминообразующие признаки таких деяний. Учесть всех фактически пострадавших от экологических преступлений, у которых серьезные проблемы со здоровьем (онкология, тяжелые хронические заболевания, инвалидность) или преждевременная смерть наступили в отдаленном периоде, вряд ли возможно, хотя взаимосвязь между экологической обстановкой, вызванной техногенными катастрофами и описанными последствиями, очевидна. Приведем пример. В 1994 г. в Республике Коми (г. Усинск) произошел крупнейший в России единомоментный разлив 100 тысяч тонн нефти из поврежденного вследствие технического износа трубопровода. В эпицентре катастрофы погибли растения, животные, рыба, две местные реки оказались загрязнены на расстоянии до 40 километров. Но самое главное, в наиболее пострадавших поселках частота респираторных заболеваний среди населения на следующий год после утечки подскочила примерно на 28%.

По результатам изучения судебной практики по делам об ответственности за экологические преступления в промышленности, полученным нами, и по наблюдениям других ученых¹, наряду с крайне малой долей привлечения к ответственности виновных, около 90% этих лиц, подвергаются мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Это, как правило, штрафы, причем не такие уж и крупные. Отсюда можно сделать вывод о недостаточной эффективности многих норм уголовного закона, закрепляющих ответственность за злоупотребления производственными технологиями, если они сконструированы по модели материаль-

---

¹ См.: Меркушов А.Е. О практике применения судами законодательства, предусматривающего ответственность за нарушение норм экологической безопасности. М., 1997. С. 6.

ного состава. Более того, сравнение применяемых мер наказания с суммами материального ущерба также заставляет задуматься о том, как сделать экономически невыгодным совершение преступлений, посягающих на экологический порядок.

Следующая проблема, которая требует обсуждения в контексте темы настоящего учебного пособия, – корпоративная уголовная ответственность (более привычно – ответственность юридических лиц), что также позволило бы решить некоторые проблемы с определением уголовно-правовой реакции при неосторожном сопричинении. Повышенный интерес к этому вопросу в отечественных научных кругах обусловлен позицией международного права, а также обобщенными данными по эффективному применению данного вида ответственности за рубежом. Так, практика признания корпораций субъектами уголовной ответственности и, стало быть, привлечения их к уголовной ответственности существует в таких странах, как Великобритания, США, Франция, Бельгии, Дании, Финляндии, КНР.

Особенно актуален данный вопрос применительно к ответственности за экологические преступления, что ранее уже становилось предметом обсуждений в специальной литературе¹ ввиду того, что юридические лица являются «пользователями» огромных по объему и охвату природных ресурсов, а это находится в прямой пропорциональной связи с причиняемым вредом.

Помимо проблем с установлением причинной связи между наступившим вредом и противоправными действиями коллективного субъекта и, соответственно, отдельно взятых субъектов, определением размера вреда и непосредственного объекта, подвергнувшегося посягательству в условиях его комплексности, главную трудность составляет установление признаков субъективной стороны. Дело в том, что в основе наступления уголовной ответственности по российскому законодательству лежат ее личный (персонифицированный) характер и принцип вины. Кроме того, согласно нормам международного права наступление корпоративной ответственности юридического лица не исключает уголовного преследования конкретных физических лиц. Означает ли

---

¹ См., например: Жевлаков Э. К вопросу об ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений // Уголовное право. 2002. № 1. С. 12.

это, что за один и тот же вред должны отвечать и те и другие, либо следует четко разграничивать, что было причинено коллективными действиями (бездействием), а что – конкретно каждым? И еще один вопрос: должна ли наступать ответственность юридического лица, если физические лица (управленцы и рядовые исполнители) действовали в условиях крайней необходимости или обоснованного риска?

Вопросов действительно много, однако предпосылок для установления уголовной ответственности юридических лиц за вред, причиняемый их хозяйственной деятельностью, также более чем достаточно. Обратим внимание на наиболее веские из них. Как правило, вредные последствия незначительного хозяйствования отдалены во времени от самой противоправной деятельности, обусловлены кумулятивным эффектом агрессивного воздействия на природные объекты (например, деградация почв, нарушение воспроизводства рыбных запасов и т. д.), что не позволяет четко установить размер реального ущерба, а это важно при его возмещении в порядке искового производства. Еще сложнее по прошествии длительного времени устанавливать вину конкретных должностных лиц и рядовых работников. Особенно это усугубляется ошибками при проектировании, прогнозировании возможных рисков. Даже если вина конкретных лиц будет установлена, санкции, применяемые к физическим лицам, не только не покрывают причиненный ущерб, да и такая цель, в отличие от гражданско-правовой ответственности, уголовным правом не ставится, но их излишняя либеральность нивелирует сдерживающий потенциал уголовно-правовых норм. Например, управленцу, как ответственному лицу, экономически выгоднее заплатить штраф, который не является, как правило, для него ощутимым, чем модернизировать производство, сделать его более безопасным. Кроме того, в некоторых сферах общественной жизни, таких как экономика, с течением времени все интенсивнее проходят процессы технологизации, что влечет пропорциональное увеличение числа публично-правовых запретов и необходимость введения уголовно-правовых санкций в силу недостаточности правового регулирования деятельности коллективных образований лишь средствами гражданского и административного законодательства.

Многие противники корпоративной ответственности юридических лиц оперируют доводом о том, что возмещение вреда от деятельности хозяйствующих субъектов возможно в порядке искового производства. Однако практика показывает недостаточную эффективность данного механизма. Так, по поводу возмещения ущерба от экологических преступлений в исковом производстве, в том числе через институт гражданского иска в уголовном процессе, заметим, что гражданские иски по делам о преступлениях главы 26 УК РФ заявляются лишь в 0,1% случаев, даже когда ущерб весьма существенный. Приведем пример. Гражданин С., действовавший по договору подряда от имени ООО, проводил расчистку русла реки. При этом он с использованием лиц, не знавших о противоправности совершаемых действий, произвел незаконную рубку лесных насаждений и строительство каналов с нарушением требований законодательства. Общая сумма ущерба составила более 40 миллионов рублей. Наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года было назначено условно с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать должности, связанные с выполнением управленческих функций в строительных организациях на срок 2 года. Гражданский иск по делу не был заявлен.

Углубленный анализ отечественного законодательства (не только УК РФ) позволяет сделать вывод о существовании уже сейчас так называемой квазиуголовной ответственности юридических лиц. Так, в некоторых нормативных актах¹ прослеживается идея применения к организациям таких мер, как ликвидация, запрет на осуществление деятельности за *de jure* и *de facto* преступную деятельность. Развивая данный тезис, хотелось бы отметить, что и в самом УК РФ законодатель предусматривает возможность выполнения объективной стороны преступления именно юридическим лицом (например, ст. 171). Более того, как справедливо отмечает А.С. Никифоров, лица, которым делегировано исполнение стратегических и оперативных решений и которые контролируют осуществление юридическим лицом его прав и действуют в осуществление этих прав, являются лишь *alter ego*

---

¹ См.: О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ; О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

юридического лица. Отсюда преступление должно быть признано совершенным именно юридическим лицом¹.

Кроме того, считаем, что в рамках одной правовой системы представляется целесообразным осуществлять единые подходы к деликтоспособности юридических лиц. Иными словами, если в административном праве препятствий к привлечению к ответственности юридических лиц не усмотрено², стало быть, и в уголовном праве такая возможность должна рассматриваться на основе введения специальных норм, предусматривающих принципы привлечения коллективных субъектов к ответственности и особые виды наказаний или мер уголовно-правового характера, обеспечивающих восстановительный эффект. При этом вовсе не требуется экстраполировать традиционно сложившиеся в уголовном праве институты вины и вменяемости на юридических лиц. Действительно, признание юридического лица субъектом права выступает правовой фикцией. Однако оно имеет свои идентификационные реквизиты и организационно-правовой статус, обладает праводее-способностью и деликтоспособностью, а значит, может отвечать за невыполнение предусмотренных законом обязанностей.

Доводы «за» введение уголовной ответственности юридических лиц, на наш взгляд, значительно перевешивают доводы «против», особенно на современном этапе развития НТП. Поэтому в Общей части УК РФ должна появиться самостоятельная глава, регламентирующая основания ответственности юридических лиц, особенности установления причинной связи между преступным деянием и наступившими вредными последствиями, условия разграничения и пределы ответственности юридического лица и физических лиц – работников этой организации, виды наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц.

---

¹ Никифоров А.С. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6. С. 65.

² Возможность административной ответственности юридических лиц является дискуссионной в доктрине, однако она закреплена в КоАП РФ и признана Конституционным Судом Российской Федерации (см. п. 4 Определения Конституционного Суда РФ от 01.10.1998 г. № 145-О «По запросу Законодательного собрания Нижегородской области о проверке конституционности ч. 1 ст. 6 КоАП РСФСР» // Собр. законодательства РФ. 1998. № 49, ст. 6102).

Главным критерием наступления уголовной ответственности юридического лица должно стать преступное поведение лиц, его представляющих в хозяйственных и иных общественных отношениях, тесно связанное с уставной, в том числе с пролицензированной деятельностью этого лица, направленное на получение материальных и иных выгод для самого юридического лица как корпоративного субъекта, и лишь косвенно и опосредованно – на удовлетворение корыстных интересов его alter ego. По нашему мнению, в отношении юридических лиц были бы эффективны такие меры уголовно-правового воздействия, как крупные штрафы, кратные по размеру сумме причиненного ущерба, возложение обязанности устранения причиненного вреда в натуре, конфискация имущества, запрещение заниматься определенной деятельностью, ликвидация. При этом полагаем, что на период расследования и судебного разбирательства следует приостанавливать либо не допускать инициации гражданско-правовых процедур, связанных с реорганизацией, ликвидацией и банкротством, чтобы обеспечить реализацию всех возможных форм юридической ответственности в данном конкретном случае, что возможно только в рамках уголовного процесса. Так, к примеру, сегодня, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, в рамках единого производства по делу мы можем разрешить не только вопросы о виновности (невиновности) лица, его наказании, но и определить судьбу гражданского иска, применить нормы налоговой ответственности, т. е. обеспечить комплексное воздействие на ответственного субъекта.

Рассматривая уголовно-правовые способы минимизации вредных последствий применения производственных технологий, следует поставить вопрос и о включении в содержание уголовно-правовых запретов некоторых норм, заставляющих работать определенные контрольные механизмы. Так, в целях обеспечения промышленной безопасности Федеральным законом от 21.07.1997 № 116-ФЗ¹ определен порядок прохождения хозяйствующими субъектами экспертизы на предмет установления соответствия материалов и технических устройств, зданий и сооружений на

---

¹ О промышленной безопасности опасных производственных объектов: федер. закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1997. № 30, ст. 3588.

опасных производственных объектах требованиям безопасности. Вопрос в том, как обеспечить достоверность результатов такой экспертизы и реальное ее прохождение предприятиями? Полагаем, что здесь могло бы помочь установление уголовной ответственности за заведомо ложное заключение экспертизы промышленной безопасности. В качестве базового состава следовало бы предусмотреть нарушение порядка прохождения соответствующей экспертизы, повлекшее создание реальной опасности наступления смерти человека или причинения крупного ущерба, а реальное наступление материальных последствий должно быть оценено как квалифицирующее обстоятельство с плавным повышением санкций. Предлагаемая новелла мыслится как бланкетная. Более того, в условиях научно-технического прогресса норм, прямо отсылающих правоприменителя к различным правилам, должно быть больше в целях экономии правового материала в тексте УК РФ, но, вместе с тем, и в целях лучшего ориентирования в специальных нормах. К изложенному добавим, что когда в правовой норме охранительного характера речь идет об ответственности за противоправную эксплуатацию источников повышенной опасности наилучшей конструкцией является именно предложенная модель, где базовый состав образует ситуация создания опасности, а квалифицированный или особо квалифицированный составы связаны с причинением реального вреда. Это было бы оправданно и с точки зрения законодательной техники, и с позиций оптимальной дифференциации ответственности. Представляется возможность унифицировать ряд составов преступлений, связанных с эксплуатацией источников повышенной опасности, а также некоторых экологических преступлений в целях выработки единой правовой оценки сходных общественных отношений в сфере производственной безопасности, подвергнутых уголовно-правовой регламентации.

Рассматривая совершенствование уголовного законодательства в связи с развитием производственной сферы, нельзя не упомянуть еще об одном направлении, которое пока что остается вне поля действия российского уголовного права. Речь идет о фармацевтическом рынке. Отметим, что в зарубежном законодательстве Польши, Турции, Украины, Дании, Испании и других стран уже относительно давно сформированы подобные составы.

Вместе с тем, криминологический анализ состояния общественных отношений в этой сфере показывает, что назрел ряд серьезных предпосылок для криминализации таких деяний, как незаконное производство и оборот лекарственных средств и биологически активных добавок, выпуск в обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных препаратов и изделий медицинского назначения, подделка документов, дающих право на получение и оборот лекарственных препаратов. В истории уже имелся опыт борьбы государства с подобными правонарушениями, поскольку очевидна высокая общественная опасность таких деяний ввиду прямой связи с наивысшими благами – жизнью и здоровьем людей. Однако сегодня, когда размах нелегального рынка товаров медицинского назначения приобретает катастрофические масштабы, соответствующие нормы в УК РФ отсутствуют. Судебная практика по-разному подходит к правовой оценке незаконной фармацевтической деятельности и смежных явлений. Так, наиболее часто за эти деяния виновные привлекаются к ответственности по ст. 259, 171, 180, 234 и 238 УК РФ, причем данные составы вменяются виновным как по отдельности, так и в различных сочетаниях по совокупности.

В связи с вышеизложенным представляется актуальной разработка соответствующих новелл об ответственности за противоправные деяния на фармацевтическом рынке. При этом, по нашему мнению, важно учесть несколько моментов.

Во-первых, требуется четко разграничить сферу действия административного и уголовного права в данной области. Так, довольно часто возникают вопросы, связанные с лицензированием деятельности по производству и торговле препаратами и изделиями медицинского назначения. Считаем, что нарушение правил лицензирования должно рассматриваться лишь как несоблюдение административной процедуры, представляющей собой деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и (или) их территориальных органов по выдаче (продлению) специального разрешения на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнение работ, оказание услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности). Соответственно,

получаем, что в подобных действиях могут усматриваться исключительно признаки состава административно-правового деликта и не более того. Другое дело, когда в ходе такой противоправной деятельности причиняется крупный ущерб охраняемым законом интересам. Здесь уже появляется явный признак межотраслевой дифференциации деяний, находящихся под административной и уголовной юрисдикцией.

Во-вторых, при криминализации противоправной деятельности на фармацевтическом рынке следует исходить из принципа полноты правового регулирования, т. е. от уголовно-правового воздействия не должно укрыться ни одно из деяний, обладающих повышенной степенью общественной опасности. Так, например, преступник продает покупателю препарат, где вместо действующего вещества содержится индифферентное вещество – «пустышка», либо в состав препарата включен компонент, незаявленный в аннотации. Человек, страдающий серьезным недугом, надеясь на эффективность приобретенного препарата, упускает время на лечение, вследствие чего его состояние может значительно ухудшиться, а неизвестный ему компонент может вызвать аллергическую реакцию вплоть до анафилактического шока. Еще хуже, когда производимые и продаваемые под видом лекарств препараты содержат запрещенные вещества или компоненты с непроверенным эффектом. Чаще всего в подобных случаях злоумышленник не желает вреда здоровью или жизни людей, рассчитывая лишь на получение материальной выгоды, однако он не может не осознавать возможности наступления таких последствий. Отсюда целесообразно учесть эти особенности субъективной стороны в конструкции уголовно-правовых норм и обусловить наступление ответственности созданием опасности причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека либо совершением деяния в крупном размере. При этом под созданием опасности причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека следует понимать сбыт лекарственных средств, медицинских изделий, биологически активных добавок, содержащих незаявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, либо не содержащих заявленных действующих веществ, если их употребление согласно инструкции вызвало токсические эффекты, обострение или осложнение заболевания, и

при продолжении приема или использования могло повлечь причинение тяжкого вреда здоровью или смерти человека.

В-третьих, с повышением доступности Интернета все большее число граждан черпают информацию о новых медицинских препаратах и средствах, в том числе и рекламного содержания, именно там. Появляются новые способы заказа этой продукции через электронные ресурсы, что сопряжено с обезличиванием продавца и, соответственно, сложностью его выявления в случае совершения им противоправных действий, описанных выше. И в этом случае риск столкнуться с продукцией ненадлежащего качества гораздо выше, чем при покупке традиционным способом. Поэтому необходимо рассматривать признак использования Интернета как квалифицирующий при криминализации противоправных деяний на фармацевтическом рынке.

Таким образом, уголовное право как отрасль права и как наука не может не обращать внимания на те общественные отношения, которые претерпевают значительные изменения под влиянием научно-технического прогресса. Основными направлениями его развития сегодня являются: укрепление экологического правопорядка наряду с противодействием такому явлению, как радикальный энвайронментализм; повышение санкций за нарушение правил осуществления различных производственных процессов в целях подрыва экономической основы преступности; расширение в УК РФ перечня статей, содержащих составы создания угрозы, когда речь идет о защите окружающей природной среды или об эксплуатации источников повышенной опасности; закрепление в УК РФ блока норм о корпоративной ответственности юридических лиц; дальнейшая проработка законодательства, направленная на совершенствование защиты отечественного фармацевтического рынка от противоправных посягательств.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы предпосылки усиления уголовно-правовой защиты экологического правопорядка?

2. Дайте оценку действиям радикальных энвайронменталистов с точки зрения принципиальных положений уголовного права? Как, по Вашему мнению, следует решить данную проблему?

3. Проанализируйте санкции статей УК РФ, касающихся производственной сферы. Какие наказания являются наиболее распространенными? Оцените превентивный потенциал данных норм с точки зрения достаточности воздействия на потенциальных нарушителей.

4. Проанализируйте доводы «за» и «против» введения корпоративной уголовной ответственности.

5. Каковы основные направления криминализации противоправных деяний на фармацевтическом рынке?

Заключение

Рост производства и производственных мощностей в их экстенсивном варианте, безусловно, представляет опасность для общества, экосистем и всего биосферного пространства. Раскрывая подробнее, в чем может заключаться такая опасность, приходим к выводу, что предприятия и соответствующая инфраструктура являются источниками потенциального риска. Виной тому, во-первых, характер самих технологий, которые вряд ли могут претендовать в большинстве своем на звание «безотходных»; во-вторых, это физический износ оборудования, моральное устаревание техники, что не позволяет выдерживать нормы предельно допустимых загрязнений окружающей среды; в-третьих, возможно вмешательство в нормальный производственный процесс сил природы, которые неподконтрольны человеку; в-четвертых, самое главное значение имеет «человеческий фактор». Надежда на «авось», самонадеянный расчет на ненаступление вредных последствий, на то, что никто не заметит и так далее – вот главные причины преступных деяний в производственной сфере. Конечно, ряд правонарушений носит умышленный характер, однако все же более типичными для производственной сферы являются деяния с неосторожной формой вины. И наиболее негативным фактором выступает здесь меркантилистский подход к решению проблем производственной сферы, закономерным результатом которого является укрепление в массовом сознании хозяйственников идеи

получения прибыли любыми путями, потребительское отношение к окружающей среде и ее ресурсам.

Достаточно обособленный блок проблем порождает производственные технологии, в которых уже имманентно заложен противоправный потенциал (технологии изготовления, культивирования, выращивания наркотических средств и психотропных веществ, а также незаконное изготовление оружия, производство фальсифицированных фармацевтических препаратов).

Огромную проблему представляют транспортные преступления. Данная сфера также традиционно относится к производственному сектору, хотя перевозка пассажиров и эксплуатация транспорта далеко не всегда осуществляется в рамках решения производственных задач, а может быть связана с удовлетворением частных потребностей. Однако, допуская такую условность, требуется отметить, что данный вид преступлений занимает немалую долю в общей структуре преступности и требует к себе пристального внимания, особенно в связи с ежегодным ростом числа транспортных средств и развитием транспортной инфраструктуры.

При рассмотрении международных актов, защищающих общество от противоправного использования производственных технологий, установлено, что все акты относятся к категории так называемого «мягкого права», т. е. не содержат слишком жестких императивов, а призваны подтолкнуть страны-участницы к приведению своего национального законодательства в соответствие с мировыми стандартами и нормами. Кроме того, данные акты определяют единый вектор, в котором рекомендуется двигаться научной мысли, чтобы обеспечить безопасное устойчивое развитие. Выделение основных приоритетных направлений позволяет государствам ориентировать свои усилия на решение действительно насущных задач, имеющих значение в глобальном масштабе.

Изучение передового опыта зарубежных стран в плане регламентации тех или иных вопросов, связанных с преступностью в производственном секторе, а также созданием общественных и государственных институтов по контролю и надзору в рассматриваемой сфере может оказаться весьма полезным для отечественной доктрины и правотворчества. Разумеется, каждая страна имеет свои уникальные взгляды на вопросы юридической ответственности, препятствующие прямой рецепции некоторых право-

вых институтов, как, например, института юридической ответственности юридических лиц, концепции неосторожного сопричинения в уголовном праве. Вместе с тем, традиции не должны превращаться в догмы и архаизмы и при достаточной проработке и комплексном подходе к реновации правовых норм они могут быть существенно модернизированы, чтобы соответствовать потребностям сегодняшнего дня.

Действующий уголовный закон, хотя и содержит немало составов преступлений, которые могут быть связаны со сферой производства, однако отмечается значительное отставание правовой реакции от нарождающихся общественных отношений, причем по некоторым аспектам в отечественном праве отмечаются значительные пробелы. Так, на наш взгляд, требуют доработки некоторые законодательные конструкции в части разграничения базового и квалифицированных составов, приведение их к некой общей модели. Возможно, следует вернуться к обсуждению проблемы уголовной ответственности юридических лиц. Данный список можно продолжать и далее. Важно одно – осознание угроз, кроющихся в развитии производственных технологий – это не только экологические проблемы, но и общие проблемы преступности. От того, насколько нормы права будут соответствовать реальной общественной обстановке, будет зависеть состояние защищенности охраняемых уголовным законом отношений.

Литература

Нормативные правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Рос. газ. – 1995. – 5 апр.

3. Конвенция по сохранению живых ресурсов Юго-Восточной Атлантики: заключена в г. Риме 23.10.1969 // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXVII. – М.: Международные отношения, 1974.

4. Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий: заключена в г. Хельсинки 17.03.1992 // Бюл. международных договоров. – 2000. – № 6.

5. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию: принята в г. Рио-де-Жанейро 14.06.1992 // Международное публичное право: сб. документов.: в 2 т. – Т. 2. – М.: БЕК, 1996.

6. Декларация ООН об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10.10.1975 № 3384 (XXX) // Международные акты о правах человека: сб. документов / сост.: В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М., 2002.

7. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию: принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 26 авг. – 4 сент. 2002 г. / Док. ООН A/CONF.199/20.

8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.). – Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

9. О международных договорах Российской Федерации: федер. закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 29, ст. 2757.

10. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: федер. закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (с изм. и доп.). – Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

11. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: федер. закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ (с изм. и доп.). – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (с изм. и доп.). – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения: постановление Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 14 // Рос. газета. – 1998. – 24 нояб. (не действ.).

14. Уголовный кодекс РСФСР от 01.07.1922 // Собр. узаконений РСФСР. – 1922. – № 15, ст. 153.

15. Уголовный кодекс РСФСР от 26.11.1926 // Собр. узаконений РСФСР. – 1926. – № 80, ст. 600.

16. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 591.

Зарубежное законодательство

17. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред. – С.В. Максимова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

18. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред.: Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

19. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред.: А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

20. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. Н.И. Мацнева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

21. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки и Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

22. Уголовный кодекс ФРГ / науч. ред. Д.А. Шестакова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
23. Уголовный кодекс Республики Беларусь / предисл. Б.В. Волженкина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
24. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. и вступ. ст. С.В. Милюкова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
25. Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. Ю.В. Голика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
26. Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилониса. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
27. Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред., предисл. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
28. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

Научная и справочная литература

29. Антипенко А.И., Водопьянов П.А. Развитие социально-природных взаимоотношений на современном этапе НТП // Научно-технический прогресс: взаимодействие факторов и тенденции развития. – Минск: Наука и техника, 1989.
30. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
31. Белозерова С.С., Кузнецова О.Б. Экологические преступления // ЭКО-бюллетень ИнЭкА. – 2004. – № 5 (100).
32. Васильев А.И. Проблемы социальной и уголовно-правовой оценки преступлений техногенного характера. – М.: Манускрипт, 1998.
33. Васильев А.И. Система национальной безопасности Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1999.
34. Вольфман Г.И. Ответственность за преступления в области охраны природы: квалификация и наказание / под ред. В.И. Новоселова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984.
35. Галиакбаров Р.Р. Неосторожное сопричинение как вид множественности участников // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью: межвуз. темат. сб. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1981.

36. Герасимов И.В. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика экологической преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.

37. Гринберг М.С. Ответственность за преступную неосторожность при действии производственного коллектива // Советское государство и право. – 1979. – № 8.

38. Дагель П.С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. – М.: Юридическая литература, 1981. – № 34.

39. Дернбург (лит. обраб. Н. Розин). Кража электричества // Вестн. права. – 1899. – № 10.

40. Дулов А.В. Природные условия и развитие производительных сил России в XVIII – середине XIX века // Вопросы истории. – 1979. – № 1.

41. Евдокимов А.А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России. – М.: Проспект, 2012.

42. Жевлаков Э. К вопросу об ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений // Уголовное право. – 2002. – № 1.

43. Закамолдин Р.В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами. – М.: Юрлитинформ, 2017.

44. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991.

45. Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. – М.: Юридическая литература, 1986.

46. Криминология: учеб. для аспирантов / под ред. И.М. Мацкевича. – М.: ИНФРА-М, 2017.

47. Кейзеров Н.М. Духовное имущество как комплексная проблема // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4.

48. Козаев Н.Ш. Современные технология и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства). – М.: Юрлитинформ, 2015.

49. Козаев Н.Ш. Противодействие злоупотреблениям современными технологиями: международно-правовые и уголовно-правовые аспекты. М.: Юрлитинформ, 2016.

50. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2017.

51. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие. – М.: Зерцало, 1998.

52. Кузнецова Н., Кудрявцев В. Квалификация соучастия в преступлении // Советская юстиция. – 1962. – № 19.

53. Курсаев А.В. Неосторожное сопричинение в российском уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2015.

54. Курс уголовного права: учеб. для вузов: в 5 т. – Т. 4. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало-М, 2002.

55. Лисицина Е.В. Теория и практика административно-правового обеспечения техногенной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.

56. Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю. Материальная ответственность за повреждение здоровья. – М.: Юридическая литература, 1968.

57. Меркушов А.Е. О практике применения судами законодательства, предусматривающего ответственность за нарушение норм экологической безопасности // Бюл. Верховного Суда РФ. – 1997. – № 5.

58. Михлин А.С. Последствия преступления. – М.: Юридическая литература, 1969.

59. Нерсесян В. Проблемы уголовной ответственности за неосторожные преступления в составах «поставления в опасность» // Уголовное право. – 2000. – № 4.

60. Нерсесян В. Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности // Российская юстиция. – 1999. – № 10.

61. Никифоров А.С. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. – 1994. – № 6.

62. О причинах и обстоятельствах аварии на 4 блоке ЧАЭС 26 апр. 1986 г.: доклад ГПАН СССР. – М., 1991.

63. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 8. Судебная реформа / под ред. Б.В. Виленского. – М.: Юридическая литература, 1991.

64. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции: Часть Общая. Т. 1. – СПб., 1902.

65. Тейман С.К. Применение уголовной ответственности в области законодательства об охране окружающей природной среды в США // Вестн. МГУ. – Сер. 11, Право. – 1993. – № 3.

66. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.

67. Тяжкова И.М. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны природы // Научно-технический прогресс и правовая охрана природы. Проблемы совершенствования природоохранного законодательства в условиях научно-технического прогресса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

68. Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и Устав пробирный) / сост. М.П. Шрамченко, В.Е. Афанасьев. – СПб.: Издание юридического книжного магазина К. Мартынова, 1909.

69. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и обязательства из неосновательного обогащения. – М., 1951.

70. Фойницкий И.Я. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1912.

71. Формэн Д. Основные принципы тактики экотажа // Экотаж: Руководство по радикальной пропаганде. – Киев: КЭКЦ, 2002.

72. Харитоновна И.Р. Неосторожное сопричинение в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1985.

73. Церетели Т.В. Деликты создания опасности // Советское государство и право. – 1970. – № 8.

74. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2003.

75. Шарапов Р. Классификация составов на формальные и материальные: миф или реальность? // Уголовное право. – 2000. – № 3.

76. Шаргородский М.Д. Вопросы Общей части уголовного права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955.

77. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение. – 1960. – № 1.

78. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. – М.: Высш. шк., 1970.

Оглавление

Введение.....	3
1. История правового регулирования ответственности за преступления в производственной сфере	6
2. Правовая регламентация вопросов обеспечения производственной безопасности в международном праве	28
3. Уголовное право зарубежных стран на защите общественных отношений в производственной сфере	37
4. Общая характеристика преступлений в производственной сфере.....	52
5. Направления развития уголовного законодательства в сфере минимизации отрицательных последствий применения производственных технологий.....	71
Заключение.....	89
Литература.....	92

Учебное издание

Козаев Нодар Шотаевич

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Учебное пособие

Редактор *Т. Г. Кривошеева*
Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1552-1

Подписано в печать 21.01.2019. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 5,8. Тираж 100 экз. Заказ 758.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.